М. ТОМСКИЙ

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

ИЗДАНИЕ
В·Ц·С·П·С
1925

М. ТОМСКИЙ

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ И ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ

Издание ВЦСПС Москва
1923

ГЛАВЛИТ № 12.308. Печ. 10.000 экз.

Типография РИО ВЦСПС Москва, Варварская пл., б. Деловой двор.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие.

В речах, статьях и брошюрах т. Томского полнее и вернее, чем у кого либо другого, отражаются практические интересы профессионального движения, его успехи и его ошибки. Мы не ошибемся, если скажем, что он в этом отношении—лучший выразитель и идеолог нашего российского профдвижения.

Но основная заслуга т. Томского в этой области та, что он сумел поднять авторитет и значение организационной практики и даже техники профессионального движения, сумел, если можно так выразиться, одухотворить организационную практику, вызвать живой интерес к этой „сухой“ практике и раскрыть ее связь с идейным содержанием и основными идеологическими задачами нашего профдвижения. К числу таких работ, которые раскрывают богатое содержание и огромное принципиальное значение многих практических вопросов в организационной области профдвижения, относится и настоящая работа т. Томского—ценный вклад в нашу, надо признать, еще бедную литературу по профессиональному движению.

Настоящую работу, которую каждый, особенно молодой профессиональный работник, прочтет с большим интересом, т. Томский посвятил выяснению теории и практики организационного вопроса, дав в ней прекрасное теоретическое обоснование всем изменениям в развитии организационного движения союзов за короткий период существования российского профдвижения, как в решениях всероссийских с‘ездов и конференций, так и в практике русских союзов.

Организационное развитие первых лет существования союзов, еще с 1905 г., изложено в основных чертах в предисловии к первой брошюре и отмечает те достижения, уклоны и тенденции, которые имело профессиональное движение с самого начала своего появления. Т. Томский проследил, начиная от первой конференции в сентябре—октябре 1905 г., развитие русских профсоюзов от касс

взаимопомощи и цеховых союзов до последнего, III Пленума ВЦСПС, в мае 1923 г. Это развитие шло от локального через областное к всероссийскому строительству профессиональных организаций, и при том с централизацией союзной деятельности. Особенно подробно т. Томский остановился на работах II С'езда. Он проследил развитие организационного вопроса с того момента, когда определяющим фактором для установления принадлежности к тому или иному союзу являлась „профессия" и „специальность", до того момента, когда профессиональное движение пришло к сознанию, что „единственным средством, гарантирующим от ошибок работы, является отчетливое, сознательное усвоение самого производственного принципа со всеми вытекающими из него следствиями".

Работа состоит из двух частей. Первая часть была написана еще в октябре месяце 1919 г., сейчас же после II С'езда Союзов, в эпоху военного коммунизма, в брошюре под названием „Принципы организационного строительства профессиональных союзов", и представляет собою анализ постановлений по организационному вопросу II Всероссийского С'езда Профсоюзов, того С'езда, историческую роль которого т. Томский совершенно справедливо считает „исключительной в истории нашего профдвижения".

Вторая часть работы написана уже в настоящем году, при новой экономической политике, после III. Майского, Пленума ВЦСПС, и посвящена анализу организационных решений III, IV и V С'ездов и 2-х Пленумов: II—Февральского 1922 г. и вышеупомянутого III—Майского 1923 года.

Как видит читатель, их отделяет период почти в четыре года, в течение которых наше молодое профессиональное движение многое пережило (а что такое четыре года по сравнению с многими десятками лег развития западно-европейского профессионального движения?), прошло в своем развитии целый ряд этапов, выкристаллизовало свою идеологию и свою практику и одновременно проделало целый ряд ошибок, на этих ошибках училось и шло все дальше.

Конечно, новая книга в целом имеет уже далеко не то значение, какое имела первоначальная брошюра, написанная в 1919 году. Значение этой новой книги гораздо шире—она не разбор только решений II С'езда, а итог всего опыта организационного строительства профсоюзов в обстановке диктатуры пролетариата, всех изменений организационного строительства за все это время.

И, несмотря на срок, отделяющий момент появления первой части от второй, обе они проникнуты одной линией, об‘единены одним общим духом, идеей и методом.

Эта работа тем более интересна, что т. Томский пользуется при этом „хорошим компасом в руках“—*методом марксизма*.

Он подчеркивает основное положение, что *в каждый данный момент на развитие профессионального движения и рабочий класс в целом оказывают влияние основные факторы, главным образом, экономики и целого ряда производных от нее же других факторов (совокупность политических условий, война, формы классовой борьбы, методы разрешения хозяйственных вопросов, формы заработной платы и т. д.)* и что *от степени большего или меньшего влияния каждого из этих факторов в данный момент изменяются и формы профессиональных организаций.*

Верный марксистскому методу и с его помощью он устанавливает сначала те факторы, которые оказывали влияние на организационное развитие профессиональных организаций, и под влиянием которых складывались и изменялись организационные задачи профсоюзов, и в разные моменты в той или иной степени влияли, как на роль и задачи, так и на организационное строительство профсоюзов. Установивши эти факторы и, вытекающие на их основе, задачи профсоюзов в каждый данный момент, т. Томский проверяет, в какой мере формы организации и методы работы союзов вытекали из этих задач, и в какой мере они не соответствовали задачам данного момента, и, следовательно, являлись ошибочными. Вот почему он подчеркивает то огромное значение, которое имеет организационный вопрос для профессионального движения, и осуждает то легкомысленное отношение к сухой „практике“ и чисто отвлеченное, не марксистское отделение ее от идеологии и теории, проявляющиеся со стороны целого ряда работников. Если такого рода отношение было понятно в первые моменты самоопределения профсоюзов, напр., в январе 1918 г., на I С‘езде, внимание которого было поглощено, главным образом, идеологией и политическими разногласиями с „независимцами“, обостренными в этот период „бури и натиска“, то оно ничем не оправдывается в последующие годы, а тем более в настоящее время. А ведь еще до сих пор наблюдается, что некоторые из профессиональных работников (что можно наблюдать зачастую в практической работе) недооценивают этого значения организационнго вопроса и организационной практики,

считая их чем-то второстепенным, имеющим весьма малое значение по сравнению с принципиальными задачами профессионального движения и его идеологией.

Между тем „опыт нового профессионального движения — писал т. Томский еще в 1919 г. — свидетельствует о том, что *задачами данного движения в определенный исторический период определяется его форма, слагаясь в соответствующие организационные отношения.*

Содержание определяет форму и форма, в свою очередь, выражает содержание".

Вот это основное положение красной нитью проходит по всей книге т. Томского. Это положение т. Томский подтверждает своим обзором истории профессионального движения в России. Оно для него служит критерием правильности или ошибочности работы и строительства профессиональных организаций, их методов, их системы.

Т. Томский подробно останавливается на раз'яснении тех или иных отклонений, допущенных в целом ряде организационных вопросов, постановлений высших союзных органов и в практике союзной работы. Эти отклонения и изменения организационных форм в практике нашего российского профдвижения он разбирает, исходя из точки зрения определяющего влияния на него *экономики*. С этой точки зрения ему удается проследить, в чем заключались ошибки III и IV С'ездов, в чем заключались их противоречия. Так, например, т. Томский считает ошибкой отход от принципов II С'езда, проявившийся на III С'езде. Заслуга II С'езда в том, что на нем „общие принципы организационного строительства союзов впервые явились не оторванной от практики теорией, но необходимой предпосылкой практического строительства союзов и руководящей нитью в разрешении спорных вопросов повседневной организационной практики". II С'езд замечателен тем, что „он рассматривал организационные задачи профессиональных союзов в целом, *как задачи целостной организации*, давая *общие нормы*, а не размениваясь на второстепенные детали. Его задания давались *всем* профессиональным организациям сообразно с общей зрелостью движения, поэтому они и оказались доступными и выполнимыми в большей их части. В деталях—II С'езд предоставлял право самодеятельности местным организациям, ибо лишь на основе этой последней возможно разнообразие организационного опыта и дальнейшие успехи в развитии наиболее совершенных форм строительства союзов".

В дальнейшем союзы, под влиянием тяжелых экономических и политических условий, на III С'езде отошли от этих принципов, что „мы, пишет т. Томский (теперь, через несколько лет), можем рассмотреть, как неправильное отклонение, ошибку, правда, неизбежную в обстановке переживавшегося тогда военного периода, но тем не менее—ошибку“. Усиление централизации и дисциплины — вот лейтмотив в резолюции III С'езда по организационному вопросу, который полагал возможным возместить отсутствие сил, брошенных на фронт, порванные организационные связи —усилением дисциплины и большей подчиненностью местных органов Губпрофсоветам, а последних ВЦСПС.

IV С'езд углубил эту ошибку. Т. Томский прекрасно отмечает момент противоречий между задачами, который поставил IV С'езд, собравшийся в первые месяцы нэп'а, и методами их осуществления. „Задача вытекала из предвидения будущего, методы работы, система и формы ее —определялись учетом отношений сил и средств пережитого опыта в настоящем“.

Задачи требовали изменения курса в сторону производственных союзов, их большей самодеятельности и самостоятельности, а IV С'езд углубил курс на единый союз, взятый III С'ездом, установив метод кропотливой регламентации функций союзов и стеснения их инициативы и самодеятельности.

Далее, необходимо подчеркнуть еще одно положение, которое развивает т. Томский в своей брошюре. „*Система и методы осуществления той или иной организационной задачи могут видоизменить таковую, а порою и изменять*“. Это положение можно наблюдать на целом ряде примеров в практике нашего профдвижения.

На примере принятого на III С'езде порядка взимания членских взносов через контору, приведшего к тому, что принципиально правильная система коллективного членства на основе пролетарской дисциплины превратила коллективную, обязательную для меньшинства, волю большинства фактически—в государственно-принудительное отчисление с каждого рабочего установленного членского взноса, т. Томский показывает, как мелкий технический факт привел к большим принципиальным результатам.

„*Это дает нам наглядный урок того*, говорит т. Томский, *какое важное значение в области профессионального движения имеет техника, иллюстрируя на опыте, что осуществление тех или*

иных задач зависит от точного соответствия им методов и технических приемов их осуществления".

Прослеживая пункт за пунктом все резолюции профессиональных с'ездов по организационному вопросу о составе союзов, о кустарях, о принципе организации союзов, об индувидуальном членстве, финансах и фондах, кассах взаимопомощи, т. Томский дает блестящее об'яснение всем этим решениям, как правильным с точки зрения задач соответствующего момента, так и ошибочным. *Необходимо отметить также то значение, которое т. Томский придает, с одной стороны, финансовой политике союза, и с другой—связанной с этим самодеятельности местных организаций.* В этом отношении он хорошо, ясно и отчетливо расшифровывает значение того крутого поворота в области финансовой политики союзов, который был сделан II, Февральским, Пленумом ВЦСПС и V С'ездом Союзов в 1922 году, когда союзы перешли от существования, главным образом, за счет государства к существованию исключительно на членский взнос. Этот фактор определил и организационное взаимоотношение на будущее—„*большую независимость местных организаций от центров*", с одной стороны, и „*большую зависимость союзных органов от массы членов*", с другой. Этот поворот в ближайшем будущем должен привести „*к усилению отчетности финансовой (и не только этой) деятельности высших органов перед низшими, а низших перед массами*".

Т. Томский раскрывает существо еще одного организационного вопроса, *вопроса о добровольном членстве,* вопроса на оселке которого можно проверить работу и отношение к союзным задачам многих наших профработников. Здесь т. Томский бичует консерватизм многих наших профессионалистов в этой области и подчеркивает необходимость умышленно заострять некоторые вопросы в борьбе с этим консерватизмом, перегибать палку в другую сторону, дабы сдвинуть союзы с их устаревшей позиции, с их привычной, удобной, проторенной дорожки, характеризовавшей нашу теоретическую обломовщину и нашу практическую пассивность, недооценку нами всего значения техники организационного вопроса в профдвижении.

Совершенно правильно раз'ясняет т. Томский *значение индивидуального добровольного членства, которое является „для нас не принципом, а наиболее целесообразным в данный момент методом организационной работы союзов, целью которого является оздоровление и укрепление связи между массой членов и союзными органами*".

Т. Томский прекрасно понимает психологию рабочего движения и рабочего класса, как его авангарда, так и отсталой, несознательной части. И он верно указывает на то, „что при отсутствии организационных навыков и традиций, которыми так богато западноевропейское профессиональное движение—у русского рабочего наблюдается (да и не только у рабочего) чрезвычайно небрежное отношение к своим обязанностям, вытекающим из принадлежности его к той или иной организации, и, особенно, в отношении финансовых обязательств“, „чрезвычайно великодушная готовность щедро жертвовать“ всякими случайными отчислениями на определенные понятные ему и конкретные цели, но „плохая „готовность“ платить свой обязательный членский взнос“. Это, разумеется, понятно и „вытекает из недостаточно ясно осознанного значения роли союза и его задач, из неясности назначения и необходимости этой материальной жертвы“. Здесь перед союзами, таким образом, еще огромный, непочатый край организационной и культурной работы по развитию сознательности своих членов. К этой работе союзные органы будут подталкиваться новыми условиями, при которых членский взнос делается единственным источником к существованию профессиональных союзов.

И, наконец, следует отметить вопрос об организации взаимопомощи, на котором т. Томский останавливается в заключении своей интересной книги. Он вскрывает значение касс взаимопомощи, играющих роль приготовительного класса „школы коммунизма“, профессионального союза, и те ошибки и противоречия, которые допущены были в определении задач касс взаимопомощи на II Пленуме и V С'езде, что привело к смешению касс и фондов и неправильному представлению о структуре касс взаимопомощи.

Только III Пленум внес ясность в этот вопрос, после того, как практика работы показала и вскрыла допущенную теоретическую ошибку.

Т. Томский проследил все ошибки,—особенно ошибки—проделанные нашими союзами. И в заключении своей книги он призывает к живой работе, к чуткости к перебоям в механизме, к вдумчивым поискам причин неудач, которые помогали нашему профессиональному движению неоднократно бороться и исправлять допущенные ошибки.

Надо только преодолевать остатки косности, наше организационное неряшество, нашу теоретическую лень, говорит тов. Том-

ский, и особенно в вопросах техники, в вопросах финансовой политики, в вопросах фондов.

От того или иного разрешения этих вопросов, от того или иного технического мелкого промаха может зависеть успех всей работы союзных организаций в новых условиях.

Учет опыта проделанной работы, учет наших недостатков—вот основной прием работы союзов в настоящих условиях, говорил т. Томский на VI С'езде металлистов. Это основной лейт-мотив всех его заявлений в последнее время.

Мы не сомневаемся, что то принципиальное обоснование организационной практики профдвижения, которое дано т. Томским в этой брошюре на основе марксистского метода, поможет, особенно молодым работникам профсоюзов, не только вести практическую работу, но и осознать ее.

Осознание это даст возможность работникам профсоюзов избегать ошибок как в своей практической деятельности, так и в принципиальных решениях и резолюциях профессиональных с'ездов. Необходимо только поучиться по этой книжке, как обращаться с единственно надежным „компасом"—марксизмом.

Настоящая книга должна стать настольной книгой для каждого работника профсоюза, для каждого инструктора, который хочет разобраться в принципах организационного строительства и теоретически обобщить свой организационный опыт.

Мы можем смело сказать, что она явится прекрасным практическим учебником по организационному вопросу.

Эта книга будет одной из самых ценных и полезных для профессионального движения России.

Желаем ей широкого распространения.

Б. Козелев.

2 августа 1923 г.
Москва.

ВВЕДЕНИЕ.

Чтобы наиболее отчетливо уяснить себе организационные принципы, формулированные II С'ездом, необходимо хотя-бы бегло проследить историю организационного вопроса в практике российского профессионального движения и тем установить преемственность и развитие принципов строительства союзных организаций, принципов, всецело определяемых степенью развития самого движения и той об'ективной обстановкой, в которой оно протекало.

Первые профессиональные организации рабочих в дореволюционной России (до 1905 г.), живя в обстановке полицейского гнета, не только не могли ставить себе широких организационных задач, но вынуждены были всячески скрывать и прятать свое истинное лицо, затушевывать свои цели и задачи. Эти слабые ростки будущих классовых организаций, независимо от преследуемых ими „легально“ целей, самым фактом своего существования имели для того периода столь громадное воспитательное значение, что самосохранение являлось для них основной задачей и на это уходила вся их энергия. Наиболее развитый, обычный тип этих организаций — касса взаимопомощи. Слабые силами и средствами, они принуждены были прикрывать себя от репрессий полиции и прибегать к покровительству наиболее „благонадежных“ элементов в лице либерально настроенных представителей крупной администрации и т. п., вводя их в свои организации в качестве „почетных членов“.

1905 год явился могучим толчком для возникновения широкого профессионального движения, впервые втянувшего в организационную жизнь сотни тысяч рабочих. Период первого революционного классового выступления российского пролетариата, бурная экономическая борьба в обстановке наростающей безработицы— наложили особый отпечаток на само движение, на долгие годы определив общий его характер, а тем самым и развитие его организационных форм.

Не имея организационного опыта, но остро ощущая необходимость экономических организаций, русский пролетариат приступает к строительству своих союзов, руководствуясь то старыми русскими (общества взаимопомощи, союзы гапоновского типа, „смесовские союзы“ и т. п.), то западно-европейскими образцами, то создает свои об'единения, руководясь лишь одним классовым чутьем. Московское совещание в сентябре—октябре 1905 г. (I Конференция) является характерным выразителем организационной пестроты и полным смешением организаций, различных не только по форме, но и по своим задачам.

Рядом со всероссийским железнодорожным союзом и московским союзом типо-литографских рабочих мы видим „Кооперацию рабочих и низших служащих Московск. городск. общественн. управления“, „Общество взаимопомощи русских техников в Москве“ и т. д. Однако, почти все эти организации об'единяла одна общая необходимость существования общероссийского и местных об'единений для координирования общей союзной деятельности. Поэтому, основными вопросами порядка дня оказались вопросы организационные. Собрание признало необходимость создания Московского Бюро Уполномоченных и созыва Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов.

Совещание таким образом определило задачи этого Бюро: 1) содействие развитию профессионального движения (выработка уставов, организация новых союзов, участие в с'ездах и т. п.) и 2) ведение подготовительных работ по созыву всероссийского с'езда представителей профессиональных союзов.

Таким образом здесь впервые был сделан определенный, хотя еще и робкий шаг по пути создания центрального органа всероссийского общепрофессионального движения.

Но Бюро не смогло осуществить задач, поставленных I подготовительной конференцией. Наступление реакции, шедшее по всему фронту, создало обстановку, в которой о созыве всероссийского с'езда не приходилось и мечтать, и Бюро ограничилось созывом II Конференции Проф. Союзов (Москва, февраль 1906 г.).

Но, несмотря на краткий опыт движения и неоформленность самих организаций, год строительства и экономической борьбы не прошел бесследно для профессиональных союзов; II Конференция пытается конкретизировать задачи союзов в области организационного строительства и, хотя недостаточно определенно, но все же пытается наметить *направление* деятельности профессиональных

союзов в этой области, разлагая общее стремление к созданию всеросс. общепрофессионального движения на ряд конкретных предварительных задач. Новоучрежденная организационная комиссия по созыву с‘езда носит более определенный характер, являясь избранной на самой Конференции, тогда как состав Центрального Бюро, учрежденного I Конференцией, был неопределенным, как количественно, так и по принципу организации (допускалась кооптация). Резолюция II Конференции о подготовке частичных с‘ездов является, в зародышевом виде, программой организационного развития движения,—она выдвигает конкретный лозунг создания районных общепрофессиональных об‘единений.

„Конференция признает для местных союзов одной и той же области или одной и той же профессии в высшей степени желательным устройство районных или профессиональных с‘ездов. Задача районных с‘ездов—решить ряд вопросов, общих для союзов данного района, и создать постоянное районное об‘единение в виде центрального учреждения—районного бюро.

Задача профессиональных с‘ездов—решить ряд вопросов, общих для союзов данной профессии, подготовить проект устава Всероссийского союза этой профессии и установить об‘единение и централизацию своей деятельности, насколько это окажется возможным уже при настоящих условиях“.

В этой резолюции вчерне как-бы угадывается дальнейший ход российского профессионального движения *от локального через областное к всероссийскому* строительству профессиональных организаций и общесоюзных об‘единений, причем впервые выдвигается, как лозунг, *централизация союзной деятельности.* Но в вопросах построения союзного аппарата и в установлении основного принципа построения союзов, II Конференция не пошла дальше указаний общего характера, порою весьма мелочно-практических. Здесь либо рекомендовались вычитанные из иностранных книжек „хорошие вещи“, вроде организации юридической и медицинской помощи, либо повторялись добрые советы о том, *как* взимать членские взносы. На вопрос, как должны строиться профессиональные союзы, какой принцип должен быть положен в основу об‘единения, II Конференция дает неопределенный ответ в отрицательной форме, робко признавая необходимость перехода от узко-профессиональных организаций к созданию более широких союзов...

„Из докладов выяснилось, что во многих местах в родственных профессиях организуются самостоятельные союзы. Конферен-

ция рекомендует при организации союзов не дробить их по мелким отраслям профессий".

Напрасно мы стали бы искать ответа на вопрос, как надо строить союзы: II Конференция в данном вопросе сказала лишь, как их не надо строить.

Но в определении характера самих союзов, II Конференция делает громадный шаг вперед по сравнению с I Конференцией. В то время, как предыдущая Конференция, на которой присутствовало значительное представительство обществ взаимопомощи, определяя состав предполагаемого с'езда, вводит в него представительство этих обществ, оговаривая лишь условно необходимость „прямой или косвенной борьбы с капиталом",—II Конференция (хотя тоже косвенно!) осуждает общества взаимопомощи.

„Профессиональный союз, говорит II Конференция, ни в коем случае не должен превращаться в кассу взаимопомощи, а—быть боевой организацией рабочих для борьбы против капиталистов". И, хотя, в определении организаций, имеющих право участвовать на с'езде, II Конференция сделала отступление от этого принципа в сторону обществ взаимопомощи, признав представительство „местных союзов и обществ, стоящих на платформе современного рабочего движения", все же, несмотря на всю робость в формулировке принципов (вроде приведенного каучукового определения), несмотря на то, что II Конференция как и первая „рекомендует", „считает полезным" и т. д., все же это был шаг вперед по сравнению с I, подготовительной, Конференцией. II Конференция устраняет мелкие пережитки, оставшиеся от периода касс воспомоществования, предлагая не вводить в уставы союза пункта „о членах соревнователях" (то же, что „почетные члены").

Лишь III Конференция Проф. Союзов (июнь 1917 г.), учтя опыт не только профессионального движения периодов 1905—9 и 1911 - 14 гг., но, равным образом, короткий, но обширный опыт нового движения за время с начала революции 1917 г., смогла сделать первую попытку отчетливой формулировки организационных задач профессиональных союзов. От неопределенных робких намеков и весьма туманных формулировок I и II Конференций, обычно выраженных в форме „пожелания" и „рекомендации", III Конференция уже достаточно решительно провозглашает принцип строительства союзов по производственному признаку.

Резолюция III Конференции (по докладу Колокольникова) в п.п. 3 и 4 говорит:

„Эволюция экономической борьбы требует от рабочих таких форм профессиональной организации, которые, опираясь на связь различных групп рабочих между собой в процессе производства, об'единили бы в рамках общей организации и под общим руководством возможно большие массы рабочих, занятых в однородных предприятиях или родственных профессиях.

В этих целях рабочие должны профессионально организовываться не по цехам и ремеслам, а по производствам, так, чтобы в состав союза входили все рабочие предприятия, хотя и принадлежащие к различным профессиям и даже производствам".

Это уже достаточная принципиальная база для правильного союзного строительства, хотя безусловно недостаточная для отчетливого уяснения самого принципа во всей его широте, как равно и всех вытекающих из него положений. Старые понятия *о профессии, как о некоей организационной ячейке*, еще настолько жизненны, что в той же резолюции, рядом с отрицанием профессии, как признака при организации союзов, и рядом с признанием принципа строительства по производству, при котором, по признанию самой Конференции, в союз должны входить *все рабочие*—„хотя и принадлежащие к различным профессиям" т.-е. иными словами—*независимо от своей профессии*—рядом с этим дальнейшие строки говорят обратное:

„Разграничение спорных профессий между союзами должно подлежать общепрофессиональным органам"....

Это противоречие в резолюции—при попытке дать практическую директиву построения союзов—отнюдь не умаляет факта декларирования производственного принципа *как должного;* указанное противоречие вытекало из неоформленности самого движения и организационной пестроты того периода, когда преобладало строение союзов по профессиям. Правильный практический подход к осуществлению самого производственного строительства мог быть дан практическим опытом самой работы и, конечно, ни прошлые периоды нашего движения, ни новый, всего трехмесячный опыт, не могли еще дать достаточных материалов для соответствующих практических выводов.

Профессия, как определенная организационная база, как нечто независимое, точно производственно ограниченное, как принцип экономического об'единения рабочих, еще крепко сидит в понятиях даже руководителей и идеологов профессионального движения, и эта

ошибка, как увидим дальше, повторена была даже и на I С'езде Проф. Союзов.

Но из факта признания производственного принципа строительства, как основного условия концентрации движения, вытекал с неизбежной ясностью целый ряд организационных положений большой принципиальной важности; одним из таких, логически вытекающих, положений, являлся принцип *централизации* союзной деятельности и руководства экономической борьбой.

Поэтому, III Конференция, хотя и недостаточно определенно, но уже в основных чертах, намечает путь развития профессионального движения по этому направлению следующими строками той же резолюции:

„В интересах наибольшей планомерности и успешности экономической борьбы, профессиональная организация должна строиться по принципу *демократического централизма*, обеспечивающего каждому члену участие в делах организации и в то же время *достигающего единства в руководстве борьбой*"... (п. 5) *)

и далее: „Единство в руководстве экономической борьбой требует единства союзной кассы"... (п. 7).

И, наконец, здесь же даются практические указания осуществления этих принципов:

„Вызываемые необходимостью наибольшего сосредоточения сил для планомерной и успешной экономической борьбы, областные и общерусские союзы должны стремиться к *возможно большей централизации руководства экономической борьбой и к централизации боевых фондов союзов*" (п. 8) *).

Весьма робко и неопределенно провозглашенный принцип демократического централизма, в пар. 5, получает более законченное развитие в вышеприведенных выдержках, давая в общем основную линию осуществления принципа демократического централизма, руководящую нить направления союзной деятельности в вопросах организационных отношений.

Рассматривая вопрос о секциях, III Конференция своим определением секций и их задач дает более определенный штрих в отношении централизма, в основном дав вполне правильную и точную формулировку роли секций в нижеследующих нескольких строках:

---

*) Курсив наш.

„Ни секции, ни районные отделения в крупных городах не должны иметь права самостоятельно выступать в экономической борьбе, помимо решения уполномоченных на то органов союза в целом. При выборе делегатов и правлений, при существовании секций, должны приниматься во внимание их интересы". (п. 6. той же резолюции).

Но III Конференция помимо этого вчерне наметила и план общероссийского, общепрофессионального об'единения, правда, с очень туманно формулированными задачами.

„В целях обслуживания общепрофессиональных запросов и нужд, для общепрофессиональных выступлений и для взаимной поддержки в имеющих исключительно важное принципиальное значение случаях экономической борьбы должны быть созданы местные, областные и общерусские общепрофессиональные об'единения (советы проф. союзов).

Союз, организованный в Петрограде Смесовым, об,единявший всех фабрично-заводских рабочих, независимо от того, в каком предприятии они работали, бесформенная организация".

В этом пункте о советах союзов чувствуется недоговоренность и внутреннее противоречие, ибо, отводя советам союзов скромную роль „обслуживания" „нужд и запросов", резолюция в то же время говорит о случаях, имеющих—„исключительно важное принципиальное значение", переводя фактически эти общепрофессиональные об'единения из „обслуживающих" в руководящие. Позднее, в процессе жизни и работы так и случилось с советами союзов, но для того, чтобы III Конференция отрешилась от старых предрассудков автономизма и боязни „смесовщины", нужно было проделать громадную предварительную организационную работу, требовался учет более продолжительного опыта осуществления самых элементарных принципов профессионального строительства.

Не касаясь здесь ошибок, допущенных III Конференцией, ибо нас интересует лишь ее роль в истории организационного развития профессиональных союзов, следует отметить один основной недочет Конференции в организационном вопросе—неопределенность и нерешительность. Идя в области организационного вопроса по принципиально правильному пути, определив не только самый принцип построения союзов, но и процесс *развития* движения, и давши, вчерне, план строения союзов и всей общепрофессиональной организации, III Конференция не решилась предложить *никаких*

мер к осуществлению этого плана. Какими методами осуществлять слияние неправильно построенных союзов, каким путем приступить к их реорганизации—этого III Конференция сказать не решилась, и одно это обстоятельство, в значительной степени, аннулировало ее правильные решения, превратив их всего лишь в благие пожелания. Декларировав принцип производственного строительства, III Конференция не ответила на вопрос: что такое производственный союз, тем самым не дав возможности осуществить установленный ею же принцип. Тем не менее, десять слишком лет и три месяца нового широкого профессионального движения, отделяющие III Конференцию от II, не прошли бесследно для российского профессионального движения.

И III Конференция *несравнима* по своему значению в истории профессионального движения с предшествовавшими ей I и II Конференциями.

Первый Всероссийский С'езд Професс. Союзов, собравшийся всего через полгода после III Конференции, благодаря особо остро стоявшим политическим вопросам, в отношении формулировки задач организационного строительства дал меньше, чем от него можно было ожидать. Однако, принципы, смутно формулированные раньше III Конференцией, получают более законченный вид, преобладает отчетливость, в вопросе о централизации поставлены все точки над „и“.

Из неопределенного стремления к централизации, таковая становится целью, и если в вопросе централизации кассы еще делается уступка федералистическим стремлениям отделов, если централизация кассы еще считается лишь „желательной“, то вопрос, о взаимоотношениях между различными местными отделами, областными и центральными органами союза ставится с полной ясностью:

„Необходимо будет в дальнейшем перейти к полному подчинению местных отделений центральным союзам, организованным по производственному принципу“.

I Всероссийский С'езд не только подтвердил принцип производственного строительства, но, что более важно, наметил и практические мероприятия к осуществлению необходимой реорганизации союзов, возложив эту работу на местные советы професс. союзов и Всеросс. Совет. Пункты 19—20 (резолюция по докладу Лозовского) гласят:

„19. Местные советы профессиональных союзов *должны сделать все возможное*, чтобы смешанные профессиональные организации слились в один производственный союз.

20. При подаче заявлений о новых всероссийских об'единениях Всероссийский Совет Профессиональных Союзов *не должен принимать их в свой состав до тех пор, пока не произойдет об'единения* этих всероссийских организаций с соответствующим производственным союзом“.

Эти два параграфа резолюции сразу поставили вопрос о строительстве союзов по производственному признаку на деловую почву, одновременно укрепив влияние и авторитет общественных органов—советов союзов. В самом деле. Можно было без конца повторять хорошие слова о производственном принципе, но пока не было определено, кто за этим наблюдает и какие применяются меры воздействия и влияния, осуществление этого принципа было обречено на неудачу, вследствие организационного консерватизма и живучести профессиональных традиций. И несмотря на то, что и I Всер. С'езд Профес. Союзов тоже теоретически путался в вопросе о „размежевании союзов“, полагая, что существовавшую здесь неразбериху можно изжить путем издания „руководства для союзов, с перечислением специальностей по производствам, с примерным указанием типичных профессий, которые могут быть отнесены к тому или другому производственному союзу“, тем не менее, благодаря §§ 19 и 20 резолюции, т.-е. благодаря постановке вопроса на практическую почву, I С'езд сделал несравненно больше для осуществления данного принципа, чем все три Конференции вместе.

И если теперь, когда в результате длительного опыта и коллективной разработки организационного вопроса, мы пришли к сознанию, что „профессия“ и „специальность“ не могут явиться определяющим фактором для определения в какой союз должен входить тот или иной работник или группа таковых, что единственным средством, гарантирующим от ошибок в работе, является отчетливое и сознательное *усвоение самого производственного* принципа со всеми вытекающими из него следствиями, то,—в период I С'езда еще не было тех условий, которые имеются сейчас, не было достаточного опыта союзного строительства и применения самого принципа на практике, в широком масштабе.

Но в решении I С'езда по организационному вопросу имеется еще одно принципиальное положение, получившее свое законченное выражение лишь на II-м С'езде, после годового

опыта движения в обстановке диктатуры пролетариата: это—вопрос о союзах служащих. Подойдя неправильно к вопросу о союзах государственных служащих, исходя из посылок до-октябрьского профессионального движения (разделяя служащих на „высших“ и „низших“,—„рабочих“ и „администрацию“), резолюция С‘езда в заключение дает правильное определение задач движения—стянуть к единому центру все имеющиеся в России пролетарские организации и об‘единить в одно целое рабочих и служащих частной промышленности и государственных учреждений.

Оглядывая бегло современное профессиональное движение, мы можем смело сказать, что эта задача российским профессиональным движением выполнена.

М. ТОМСКИЙ.

16-го октября, 1919 г.

I. Принципы организационного строительства профессиональных союзов: II С'езд.

I.

Одним из самых боевых вопросов II-го Всероссийскаго С'езда Профессиональных Союзов бесспорно явился „организационный вопрос“, вокруг которого, в соответствующей секции С'езда, разгорелись весьма бурные дебаты. В этом отношении, в сравнении с I С'ездом, картина резко изменилась. Внимание I С'езда было обращено, главным образом, на идейную сторону профессионального движения; все внимание его было сосредоточено на политических разногласиях, и организационный вопрос рассматривался обеими сторонами, как вопрос, имеющий чисто практическое значение, а, следовательно, имеющий весьма малое значение относительно задач профессионального движения и его идейного содержания.

Лишь остротой переживавшегося тогда политического момента и невозможностью суммировать все последствия гигантского Октябрьского сдвига можно об'яснить столь легкомысленное отношение к сухой „практике“ и чисто абстрактное отделение ее от идеологии и теории. Краткий обзор истории профессионального движения (да и вообще рабочего движения) и почти полуторагодовой опыт нового профессионального движения свидетельствуют о том, что *задачами* данного движения в определенный исторический период определяется его *форма*, слагаясь в соответствующие организационные отношения. Содержание—определяет форму, и форма, в свою очередь, выражает содержание.

Пролетариат с первых шагов рабочего движения до своего выступления на историческую арену, как класса, проявляет свои коллективистские стремления, строя свои классовые ячейки—коалиции, выступая, как коллектив в стачечной борьбе,—за улучшение своего положения.

Но пока пролетариат не сконструировался, как класс, и не осознал ясно общности своих интересов и задач, рабочие, про-

делывая первые шаги своего об'единения в союзы, строили организации по принципу отдельных групповых экономических об'единений, на основе одинаковых функций и роли в производстве, об'единяясь в узко-профессиональные, порой замкнутые союзы.

Помимо основной причины—неразвитости классовой борьбы и вытекающего отсюда отсутствия сознания общности интересов всех рабочих, независимо от той или иной роли их в производстве, две причины явились наиболее важными в организации цеховых союзов (узко-профессиональных): 1) слабо развитой машинный способ производства, при котором основной базой производства являлся ремесленный труд, основанный на ловкости, выучке и ограниченный кругом специалистов, и 2) почти полное отсутствие боевых организаций капиталистов.

Но в процессе развития экономической борьбы, в связи с ростом машинного производства, с вытеснением ремесленного труда и низведением его из основного фактора производства в подсобный, рабочие, наталкиваясь в своей борьбе на сопротивление организованных предпринимателей, принуждены были перенести свою борьбу из области групповых, цеховых забастовок в область общепроизводственную, вовлекая в борьбу всех рабочих, занятых над выработкой даннаго продукта (товара).

Сообразно этому перестраиваются и рабочие союзы, об'единяя разрозненные по разным союзам родственные цеха и профессии и, наконец, охватывая всех рабочих, занятых в данной отрасли промышленности, без различия их профессии.

На этой стадии развития профессиональных организаций рабочие уже вплотную подходят к строению союзов по отраслям промышленности, к тому, что мы теперь называем *„производственный союз"*, но это еще не вполне тот тип союза, который мы строим теперь.

Понятие „производство" в этом периоде еще не выражает определенную отрасль хозяйства, состоящую из ряда предприятий, все рабочие которых входят в один союз, но указывает лишь на принадлежность рабочих к тому или иному производству на основе однородности выполняемых ими функций, одинаковости условий труда и обрабатываемого материала.

Таким образом, если на первой стадии профессионального строительства мы видим союзы: механиков, котельщиков, кузнецов, огнерезов—в металлической промышленности, ткачей, прядильщиков, красильщиков,—в текстильной, то на второй стадии мы имеем:

союзы „рабочих по металлу“, союзы „деревообделочников“, об‘единяющие в своих рядах *всех металлистов, всех деревообделочников*, независимо от того, в каких отраслях производства они работают. В данном случае, союзы об‘единяют всех, но в то же время *только* металлистов, хотя бы они работали в текстильной, кожевенной или химической промышленности, оставляя вне своей организации рабочих, занятых в предприятиях металлической промышленности, но принадлежащих по своей основной специальности к иным видам производства, как, напр., деревообделочников, маляров и т. д.

Очевидно, что на данной стадии развития союзы не охватывают *в один союз* всех рабочих, занятых в предприятиях данной отрасли промышленности. В каждом предприятии существуют параллельно несколько союзов, нередко сталкивающихся между собой,— силы рабочих дробятся в борьбе с предпринимателем, а порой параллельно действующие союзы даже входят один с другим в скрытую междуусобную борьбу.

Но опыт экономической борьбы учил рабочих более экономному использованию своих сил, концентрации и перестройке их организаций, сообразно экономическим организациям своего классового врага—капитала.

Столкнувшись в процессе экономической борьбы с союзами предпринимателей, *организованными по отраслям производства* и об‘единенными в один общий союз, рабочие принуждены были, в свою очередь, переходить от мелких местных изолированных союзов, построенных по профессиям и специальным функциям,—к *более широким союзам по производству*, связывая отдельные, разрозненные местные (локальные) союзы в областные и общенациональные (т. е. охватывающие всех рабочих данной страны) об‘единения, внося единообразие в союзные об‘единения, централизуя союзную деятельность как в смысле кассы, так и в отношении единства тактики и построения союзного аппарата. Если условия экономической борьбы привели рабочих к необходимости создания *единых союзов, охватывающих всех рабочих данной отрасли промышленности*, независимо от их профессии, и далее к об‘единению одинаковых разрозненных локальных союзов в областные, то в дальнейшем явилось насущной необходимостью, перед лицом организованного капитала, об‘единить или хотя бы координировать организационную практику и тактику отдельных союзов, концентрировать союзные средства в период особо острой экономической борьбы. Это привело к организации межсоюзных об‘единений в форме бюро, секретариатов,

картелей, конференций и т. д., являвшихся предшественниками наших современных советов союзов.

Получивший наиболее законченный вид у нас в России *производственный союз*, единый в данной отрасли промышленности, охватывающий всех занятых в ней рабочих и служащих, независимо от специальности, характера работы и основной профессии,—в данный момент является наиболее законченной формой экономической рабочей организации, к которой рабочий класс подошел не путем отвлеченных теоретических построений, но был *исторически подведен условиями экономической борьбы* в капиталистическом обществе, идя от частного к общему, от групповых цеховых организаций к мощным производственным организациям, об'единенным между собой в общеклассовом масштабе.

II.

Если первый из моих тезисов по организационному вопросу встретил в организационной секции II Всер. С'езда Профессион. Союзов некоторые возражения, и мною вместо фразы—„строясь по типу организаций капиталистов", была принята формулировка—„строясь по принципу наиболее целесообразной централизации сил", то это было сделано не потому, что я считал первоначальную формулировку неверно выражающей мысль, но лишь потому, что новая формулировка, не противореча общей мысли тезиса, не возбуждала у особо революционных товарищей чувства огорчения, вызываемаго тем обстоятельством, что рабочий класс *приспособлял* свои организации к организациям капиталистов, учился у них. Между тем, этот процесс приспособления рабочих организаций к организациям капиталистов замечен был еще Марксом, который писал: „Если первоначальной целью оппозиции было лишь сохранение данного уровня заработной платы, то коалиции, вначале изолированные, об'единяются в такой же мере, в какой капиталисты в свою очередь об'единяются в целях репрессии"...

В данном случае, рассматривая эволюцию в деле организационного строительства союзов, нам важно установить, что строение союзов *по производству*, тип так называемаго *производственного союза*, не есть что-то новое, данное впервые нашей революцией; что он еще меньше может быть назван чем-то надуманным, ибо этот принцип выковывался в процессе экономической борьбы труда с капиталом, ибо рабочий класс самой жизнью был подведен к тем

организационным формам, которые получили наиболее полный и законченный вид в современной обстановке диктатуры пролетариата. Устанавливая незыблемость этого факта, мы избегаем неправильного понимания роли и задач производственного союза и предохраняем товарищей, мало знакомых с историей профессионального движения, от понимания *производственного* союза, как *производительного* *), что неизбежно ведет к извращению основных задач российского профессионального движения.

Российское профессиональное движение, создав в первый же период своего легального существования (1905 г.) невероятную пестроту организационных форм, тем не менее сразу проявило тенденцию в сторону централизации профессионального движения, поставив своей задачей, по примеру наиболее развитых профессиональных организаций Западной Европы, создание мощных классовых организаций, об'единенных между собой местными межсоюзными органами: одновременно возникают в основных отраслях промышленности союзы по производству германского типа, т. е. охватывающие всех рабочих *по металлу*, *по дереву*, и т. д., и межсоюзные об'единения местного масштаба, центральные бюро.

Основной причиной такого организационного прогресса являлся тот факт, что рабочее движение в России, с момента своего выявления, выступает одновременно, *как классовое*, революционное и социалистическое движение. Российское профессиональное движение, родившись в период острой революционной борьбы, с самого начала носит ярко социалистическую окраску. Клерикальные союзы рабочих совершенно неизвестны в нашей профессиональной практике, а либеральные и построенные по национальным признакам, хотя и возникали, но играли столь ничтожную роль, что почти не оставили после себя никакого следа. Это факт, весьма много дающий для понимания характера и направления российского профессионального движения, в то же время оказывал решающее влияние на форму строения наших союзов. Создание мощных союзов и межсоюзных об'единений диктовалось не только условиями экономической борьбы, но и политическими заданиями российского пролетариата, лишенного возможности вести открытую политическую борьбу. То обстоятельство, что задерживаемое самодержавием экономическое дви-

---

*) Производительные союзы или производственные кооперативы есть по существу организации, ставящие своею целью производство на артельных началах с распределением прибылей между членами. (См. ниже об артелях).

жение рабочих, в момент своего появления на свет, встречает не только сплоченный класс капиталистов, но уже достаточно развитые организации их, форсирует концентрацию движения, толкая рабочих к созданию общесоюзных об'единений.

Но в пределах капиталистического общества слишком большое расстояние отделяло рабочих от привиллегированных слоев служащих, а по отношению к техническому персоналу чувствовался определенный антагонизм. Роль надсмотрщиков, роль „хозяйского глаза", навязываемая капиталом техническому персоналу и некоторым слоям служащих, являлась той гранью, которая до последнего времени отделяла их от рабочих и служила решительным препятствием к об'единению в общие союзы всех рабочих и служащих данного производства. Лишь с отпадением от технического персонала их административных функций, лишь с укреплением республиканского строя на фабриках и заводах, стираются эти грани и изживается антагонизм между служащим и рабочим. Сами административные функции, при участии рабочих в найме, увольнении и заводоуправлении, теряют свой специфический характер полицейского надзора и хозяйского кнута, превращаясь, при наличии принятых союзом правил внутреннего распорядка и норм выработки, в выполнение общих хозяйственных функций, в наблюдение за выполнением воли большинства.

Лишь при наличии данных условий, явившихся результатом Октябрьской революции, может быть доведен до логического конца принцип союзного строительства по производству, и лозунг „одно предприятие—один союз" может быть полностью проведен в жизнь. При практическом проведении данного принципа следует тщательно соблюдать, чтобы в каждом определенном предприятии или учреждении была одна союзная ячейка—фабрично-заводский комитет на фабриках и заводах и коллектив служащих (или фирменный комитет) в торговых предприятиях и учреждениях.

Если при данном предприятии есть подсобные хозяйственные органы, задачей которых является обслуживание не самого производства, а удовлетворение элементарных потребностей рабочих и служащих предприятия, то работники этих органов могут входить в свой основной союз.

Например, при крупной текстильной фабрике существует больница, пекарня и театр, обслуживающие рабочих и служащих данной фабрики; проведение в жизнь вышеизложенного принципа обязывает всех рабочих и служащих данной фабрики, конторы и

находящихся при фабрике складов, входить во Всероссийский Союз Текстильщиков, избирая на общем собрании (если фабрика очень велика, то по цехам) общий единый фабричный комитет, являющийся органом союза на данной фабрике. Все рабочие и служащие пекарни, как не связанные с процессом производства данного предприятия, входят в Союз Пищевиков. Все рабочие и весь медицинский персонал—амбулатории, лечебницы и больницы—входят в Союз Медицинских Работников, и т. д. Но при этом надо соблюдать следующие условия: 1) рабочие и служащие, не входящие в производственный союз данного предприятия, не участвуют в выборах фабрично-заводского комитета предприятия; 2) каждая из этих групп *целиком входит в один союз.* Работники придаточных предприятий, в случае достаточного их числа, могут организовать свой комитет или коллектив, но подобный коллектив соприкасается с заводоуправлением лишь по делам, касающимся об'единяемых им рабочих и служащих; по всем же вопросам, касающимся рабочих основного предприятия (в данном случае текстильной фабрики), они могут вступать в переговоры, лишь входя в контакт с фабрично-заводским комитетом данной фабрики.

Гораздо более сложным является вопрос о „случайных и временных рабочих", но—внимательно подходя к каждому конкретному случаю, мы, несмотря на видимую сложность вопроса, безошибочно определим каждый сомнительный случай. Так, например: при крупной фабрике мы имеем две группы строительных рабочих-печников, каменщиков, штукатуров и кровельщиков, *постоянно* занятых на работах фабрики в качестве ремонтных рабочих, и другую группу тех же строителей, пришедших для выполнения капитальнаго ремонта здания фабрики, или для постройки новых корпусов, труб и т. д. В первом случае мы имеем дело с постоянными ремонтными рабочими, связанными с данным предприятием, как таковым, и эти рабочие должны входить в тот же производственный союз, в какой входят все рабочие указанной фабрики; во втором случае мы имеем дело с *временными* рабочими, явившимися на фабрику для выполнения определенной работы и не имеющими связи с данным производством, как таковым. Эти рабочие должны входить в свой союз, в настоящем примере, в Союз Строителей.

Исходя из приведенного примера, мы можем разграничить и временных металлистов (напр., установщики, монтеры новых машин) от постоянных (ремонтных рабочих), занятых в иных областях производства. Таким образом, металлист-монтер, присланный с машино-

строительного завода на текстильную фабрику для установки новых машин, остается в том союзе, в который входил ранее. Металлист же, слесарь на ремонте, постоянно работающий, предположим, на текстильной фабрике, должен входить в Союз Текстильщиков.

Рабочие, не входящие в общий производственный союз, охватывающий данное предприятие, разумеется, не могут учавствовать и в выборах фабрично-заводского комитета, но несомненно все рабочие, как постоянные, так и временные и подсобные, могут совместно производить выборы депутатов в Сов. Раб. Депутатов.

В следующих главах мы последовательно разберем все основные положения принятых II С'ездом Проф. Союзов тезисов по организационному вопросу и постараемся дать подробное освещение тем пунктам, которые вызвали наибольшее количество возражений в организационной секции этого С'езда.

III.

Социалистическая революция, ставя своей задачей уничтожение господства одного класса над другим путем овладения всем производством и обобществления его, стремится в конечном счете к окончательному уничтожению всякой частной собственности, а тем самым к уничтожению самих классов. Конечная цель пролетарской революции, ее логическое завершение—общество свободных производителей, в котором *все* орудия производства, как равно и все *продукты* труда, являются собственностью *всего* общества производителей. Но самый период завоевания экономического равенства и перестройки веками сложившихся экономических отношений неизбежно сопряжен с гигантской ломкой всего старого общества. Сама „экспроприация экспроприаторов“—отобрание орудий производства из рук класса эксплоататоров—сопряжена с бешеным их сопротивлением, и, в свою очередь, требует от пролетариата напряжения всех его сил; она осуществима лишь при полной дезорганизации враждебного класса, путем максимальнаго ослабления его экономической и политической мощи.

В этот переходный экономический период, когда рушатся все устои старого общества и лишь вчерне намечаются контуры нового строя, неизбежно, на протяжении некоторого времени, параллельное существование двух противоположных экономических форм и тенденций нарождающегося нового и еще не отмершего старого. Рядом с концентрацией национализированного крупного производства живет и борется за свое существование пережиток старого докапиталистического строя—мелкое ремесло, мануфактура с системой раздачи на

дом, мелкий кустарь, во всех его видах (полукрестьянин-полуремесленник, полупролетарий, пытающийся подняться до уровня мелкого хозяйчика).

Эти отжившие, обреченные на неизбежную гибель, формы мелкого производства, чрезвычайно живучие в силу несложности их аппарата и экономического консерватизма, распыленные и разобщенные, неспособные в силу этого к планомерной политической борьбе, стараются приспособиться к новым общественным отношениям, стремясь в новой форме сохранить свою старую экономическую сущность.

Мелкие ремесленники, кустари ищут сейчас, в период пролетарской диктатуры, „защитный цвет“ и находят его в *производительной кооперации*, прикрытой разного рода современными названиями, как „трудовая коммуна“, „трудовая артель“ и т. д. Под этими звучными названиями, конечно, скрывается одно и то же старое содержание: коммуны и артели не что иное, как ассоциации производителей, стремящихся сохранить *в своем* распоряжении орудия производства, приобрести новые, расширить дело, получая в свое распоряжение, помимо заработной платы, и предпринимательскую прибыль, сохраняя сущность капиталистического хозяйства— свободную конкурренцию и прибегая в моменты расширения дела к эксплоатации наемного труда.

Коллективное овладение орудиями производства подменяется здесь *сохранением или овладением ими группой* индивидуумов, и, конечно, подобные ассоциации совершенно не заинтересованы в доведении пролетарской революции до ее логического конца. Не имея ничего против экспроприации крупных капиталистов, они против обобществления *их собственности*. При благоприятных условиях они расширят свое предпринимательское дело и превратятся в акционерную компанию, эксплоатирующую наемный труд, а при неудачах постараются воспользоваться государственными субсидиями и переложить свои убытки на все общество в целом. Разорившись, они идут на фабрики и заводы с мечтой в душе: при первом же удобном случае повторить опыт *своего хозяйства*.

Несмотря на красивые названия, в этих обществах и „союзах“ коммунизмом даже и не пахнет.

Но названия „коммуна“, „трудовая артель“ и т. п. вводят в заблуждение не только отдельных рабочих, но даже рабочие организации, союзы. Трудовая жизнь членов этих коммун и артелей, то обстоятельство, что они *работают сами* и „*не хотят* подвергаться

эксплоатации капитала“ (ибо хотят *сами* получить предпринимательскую *прибыль*), создают видимость общности их интересов с таковыми же обычных рабочих, и часто члены коммун и артелей не только принимаются в союз, но даже их предприятия берутся под покровительство союзов. Однако, общеклассовые задачи пролетариата чужды пониманию этих новых „коммунистов“: вместо хозяина общества они подставляют хозяина-группу, вместо организации и регулирования производства в интересах *всего общества*, они подставляют использование общества в своих интересах, и, несомненно, при значительном их влиянии в союзе, истинный пролетарский характер такового извращается, коммунистические, классовые задачи организации работников подменяются мелкобуржуазными тенденциями „артельщиков“.

Если прибавить к этому, что разоренные революцией торговцы, мелкие фабриканты и подрядчики, стремясь найти наиболее благоприятную и родственную среду деятельности, с большой охотой идут в подобные „трудовые“ организации, увлекая на этот путь малосознательных, не изживших еще мелко-буржуазных предрассудков рабочих-ремесленников,—то станет понятна вся опасность для профессионального движения от внедрения в него подобных элементов, и тем самым выяснится правильность и своевременность следующих двух тезисов, принятых II С‘ездом Проф. Союзов по организационному вопросу.

„11) В то же время было бы величайшей ошибкой на данной стадии нашего профес. движения, при недостаточной его организованности, вливание в него не поддающихся в силу своей распыленности пролетарскому контролю кустарей и мелких хозяйчиков, а равно трудовых артелей и „союзов трудовых коммун“.

12) Являясь представителями отжившего ремесла и мелкого хозяйства, эти элементы насквозь проникнуты экономически консервативной идеологией индивидуального и мелко-акционерного (артельного) производства и в силу своей численности могут дезорганизовать ряды экономически организованного пролетариата“.

Однако, из этих же тезисов (тез. 11), следует, что сама идея контроля союзов над этими элементами не отрицается, а лишь признается несвоевременной в данный момент. Несомненно, обобществление орудий производства, концентрация и государственное регулирование его не могут остановиться на пол-дороге; несомненно, что все *производительные ассоциации* должны быть целесообразно использованы и, наконец, переварены новыми экономическими отношениями, и главная роль в этом отношении выпадает

на долю союзов, но это явится лишь как завершение нашей хозяйственной работы, и потребует от союзов вполне сложившегося централизованного аппарата, построения разветвленных органов рабочей инспекции производства и условий труда т.-е. общей организационной крепости и устойчивости.

Тогда вовлечение тем или иным образом мелких хозяйчиков, артелей и т. д. в сферу союзного влияния явится *экономической необходимостью* как в хозяйственных интересах, так равно и в интересах охраны труда. Пока же сами профессиональные союзы не обладают достаточной организационной устойчивостью, пока не выполнены основные задачи союзного и хозяйственного строительства—постановления С'езда по этому вопросу должны оставаться в полной силе.

Но если ясен вопрос о существующих под разными вывесками артелях, то как быть по отношению к ремесленникам, кустарям, штучникам на дому и т. д.?

Если из изложенного т.т. усвоят, что интересы *самостоятельного* производителя или группы таковых противоположны интересам класса, ведущего борьбу за обобществление производства и окончательное уничтожение института частной собственности, тогда ясно будет, что, когда мы имеем дело с какой-либо формой производства на дому, необходимо будет для ответа на вышепоставленный вопрос прежде всего определить, является ли данный рабочий (или группа) *самостоятельным*, экономически независимым в своей работе или нет?

Иллюстрируем эту мысль несколькими примерами. Так, перед нами: извозчик—одиночка, сам работающий на своей лошади, зубной врач, имеющий свой кабинет, портной-ремесленник, работающий на заказ (или коммуна портных, сапожников, слесарей, берущая заказы и распределяющая между своими членами чистый доход предприятия в виде заработной платы), печник, маляр, или штукатур, берущие частные заказы и т. д. Основная черта их, их экономическая роль одна: *самостоятельность* в хозяйственной области, свободная конкурренция, как единственный регулятор доходов, возможность и стремление расширить дело,—все то, что выражается народной формулой: „сам себе хозяин", и что на языке пролетариев городов называется—„кустик".

Другим примером могут служить не эсплоатирующие наемного труда: портной-штучник, ткач, работающие на дому на фабрику или раздаточную контору, по установленной штучной цене,

одинаковой или незначительно отличающейся от оплаты, установленной для фабричных рабочих. В данном случае *работник связан с определенным предприятием, зависит от него* целиком и единственное его отличие от работника, занятого на фабрике или в мастерской того же или подобного предприятия, заключается в том, что у рабочего-штучника трудовой день не нормирован, что он находится вне сферы наблюдения инспекции и т. д. т.-е. находится в худших условиях труда, чем обычный рабочий.

С подобным видом работы нужно вести решительную борьбу, как с варварским пережитком безграничной эксплоатации рабочей силы. Но эта борьба единственно мыслима, если штучники-рабочие будут взяты под защиту и покровительство союзов, если, параллельно с запрещением раздачи работы на дом, будут организованы, через органы совнархоза, соответствующие фабрики и мастерские.

IV.

Определяя свое отношение к трудовым коммунам и кустарям, мы исходим не из тех видимых целей, которые ставит себе та или иная организация производителей, но исключительно из *производственной роли* данных групп, из их экономических интересов. Лишь подходя таким образом к вопросу о коммунах и пр. производительных союзах, мы сможем в каждом отдельном случае, базируясь на экономической сущности отдельных об'единений, групп и видов труда, определить как их классовые интересы, так и свое отношение к ним. Здесь мы вплотную подходим к основному принципу профессионального об'единения, данному § 13 резолюции II С'езда:

„13) Признавая единственно правильным основным признаком об'единения трудящихся в производственные союзы—признаки экономические, т.-е. хозяйственную роль данных групп трудящихся в общей системе народного хозяйства, Всероссийское профес. об'единение не может принимать в свой состав союзов, построенных по национальным, религиозным и **вообще не экономическим признакам**".

Если под вывеской „коммуны" может скрываться артель мелких хозяйчиков, то точно также под очень симпатичными политическими, религиозными и иными вывесками может с таким же успехом процветать узко-корпоративный союз, или союз, в котором могут свить себе гнездо элементы с экономическими интересами, совершенно чуждыми классовым интересам пролетариата.

С первых же шагов своего экономического движения пролетариат имел возможность убедиться, что перед лицом капитала „несть ни эллина, ни иудея", что капитал одинаково эксплоатирует всех, продающих свою рабочую силу, независимо от их национальности, и что лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" становится одинаково понятен и близок рабочим всего мира.

Если в данном случае капитал интернационален, то он в равной степени безразличен и к религии... Работая на одной фабрике, русский, поляк и еврей, католик, протестант, иудей и православный, под гнетом капиталистической эксплоатации, перестают чувствовать национальные и религиозные различия и, по мере развития классовой борьбы и роста классового самосознания, у них на первый план выступает основной фактор классового движения рабочих — равенство экономического и социального положения, единство интересов и вытекающая отсюда общность классовой задачи—борьба за окончательное освобождение труда, за социализм. Поэтому, рабочее движение рано принимает форму интернационального движения, отрицающего всякие национальные и религиозные деления.

Если в Западной Европе все-таки встречаются союзы, построенные по религиозным признакам, то они почти всегда комплектуются либо из промежуточных полупролетарских слоев (надсмотрщики, мастера, их помощники и т. п.), подкупленных капиталом, целиком перешедших на его сторону, либо из особо темных, одураченных попами, слоев пролетариата, не порвавших еще связи с землей, при чем и те, и другие использовываются капиталом в качестве штрейкбрехеров для борьбы с рабочими. Таким образом, религиозная профессиональная организация рабочих всегда носит характер антиклассовой организации, т. н. желтого союза. В данном случае движение не только распыляется, но и задерживается.

То, что верно в отношении религиозных убеждений отдельного члена союза, также верно и в отношении *всякого убеждения*, в том числе и *политического*. Поскольку всякий общественный класс не является резко очерченным, окончательно изолированным от других, смежных с ним классов, постольку и в рабочем классе, в его отдельных слоях, группах, всегда существуют различные политические мнения. Отсталые слои рабочих, в силу политической инертности, отсутствия развития, цепляясь за мелкие практические детали программ политических партий, не в состоянии самоопре-

делиться и остаются вне политических партий. Однако, это не мешает им чувствовать единство своих экономических, классовых интересов, перед которыми все второстепенные оттенки отходят на второй план, и в решительные моменты экономической борьбы союз выступает, как единое целое, а в острые периоды классовой борьбы весь пролетариат выступает на историческую арену целиком, как единый класс. Лишь игнорируя частности, могли развиться и принять общеклассовый масштаб наиболее широкие формы классового об'единения—экономические организации рабочих, связывающие своих членов профессиональной дисциплиной и координирующие свои действия с задачами, стоящими перед классом в целом.

В свое время, на почве боязни отпугнуть беспартийные рабочие массы, руководящим принципом в тактике союзов выдвигался пресловутый нейтрализм, т.-е. невмешательство союзов в политику. При этом не учитывалась неразрывность двух форм рабочего движения—политической и экономической. Но жизнь настолько убила это недоношенное дитя оппортунистов, что в настоящее время в России вряд ли найдется хотя бы один „вменяемый" профессионалист, который решился бы защищать подобный принцип. Но не будет ли противоречием тот факт, что организация, построенная не по политическим признакам, в то же время является политически активной, т.-е. ставит себе политические цели, активно участвует в политической жизни и связанной с нею борьбе?

Поскольку экономические организации рабочих принимают классовый размах, поскольку в основу их кладется общность экономических интересов пролетариев пред лицом капитала и поскольку их задачей ставится борьба за сохранение своих организаций и свержение гнета капитала,—налицо имеются все элементы, двигающие союзы на путь политической борьбы.

К. Маркс говорит: *)

„В такой борьбе, воистину гражданской войне, об'единяются и развиваются все элементы для предстоящего генерального сражения. Но раз коалиции дошли до этого, они принимают уже характер политический".

И далее он говорит:

„В этой борьбе масса об'единяется и выступает уже, как класс, задающийся собственными целями. Интересы, которые она отстаивает, становятся классовыми интересами. Но борьба класса против класса есть политическая борьба".

---

*) „Нищета философии".

История полностью подтвердила это блестящее определение роли и задач союзов, и основным принципом, связующим союзы в одно целое и определяющим их тактику, являлось *признание международной классовой борьбы*. В пределах, укладывающихся в эту формулу, допускалась в среде пролетарских союзов идейная борьба, течения и оттенки. *Сходя с этой почвы, союз отрывался от класса* и превращался в игрушку капиталистов.

Соблюдение этого принципа (признания международной классовой борьбы) и самая элементарная экономическая борьба, само существование союза предполагали солидарность, единство действий всех членов союза, что могло быть достигнуто лишь при условии подчинения меньшинства большинству, *при соблюдении союзной дисциплины*.

Но если развитие и обострение классовой борьбы в обычной обстановке капиталистического общества требуют признания союзами общих принципов классовой борьбы, подчинения им всех частных и групповых интересов путем союзной дисциплины, основанной на подчинении меньшинства большинству, а порой самоограничения в методах этой борьбы, то в момент наивысшего напряжения борьбы классов, переходящей в открытую гражданскую войну, принимающую мировой размах, эти основные предпосылки успешности классовой борьбы должны получить законченный вид и наиболее яркие формы. Если в обычной обстановке признание принципа международной классовой борьбы являлось достаточным фактором согласованности действий пролетарских организаций, то в настоящий момент, когда империалистическая война показала во всей неприглядной наготе агентов капитала, прикрывавшихся (и все еще имеющих наглость прикрываться!) „*классовой борьбой*", после того, как группы этих почтенных рыцарей „социализма" во имя своей буржуазии провоцировали пролетариат на бойню с пролетариями соседних стран; после того, как под этим лозунгом совершился ряд преступлений против действительно классовых интересов пролетариата—этот лозунг потерял свое значение и требует большей определенности. В настоящий момент изменчивые друзья опаснее открытых врагов, и вопросы тактики приобретают решающее значение. Вот почему II С'езд Проф. Союзов, в интересах более отчетливой формулировки конечных целей профессиональных союзов, принял следующий пункт, устанавливающий единственно возможную платформу для совместной работы и борьбы проф. союзов:

„14) Об'единяя рабочих и служащих в союзы, независимо от их политических и религиозных убеждений, Российское профессиональное движение, в целом стоя на почве международной классовой борьбы и решителъно осуждая идею нейтрализма, считает необходимым условием вхождения отдельных союзов во Всероссийские и местные об'единения--признание революционной классовой борьбы за осуществление социализма **путем диктатуры пролетариата**".

Последняя Бернская конференция, на которой „социалисты" (очевидно тоже в интересах классовой борьбы!) всячески распинались в любви и преданности к вождю мирового империализма Вильсону, клевеща на рабочую революцию, подтвердила правильность решений нашего С'езда. Лишь пролетарская дисциплина и *признание* диктатуры пролетариата, как неизбежного пути к социализму, могут явиться платформой для классовых профессиональных союзов. И если найдутся союзы, которые сочтут для себя неприемлемой эту платформу и пойдут не за революционным пролетариатом, а за Бернской конференцией лакеев Вильсона,—пролетарские профессиональные союзы должны им сказать: нам не по дороге!

V.

Принципиально обосновывая вопрос об организованном строительстве профессиональных союзов, мы исходили из данного К. Марксом теоретического обоснования классовой борьбы, исходной точкой которой являются единство и общность перед лицом капитала экономических интересов всех продающих свою рабочую силу; из этого положения вытекают основные принципы профессионального движения и общая линия тактики профессиональных союзов, необходимыми условиями которой, в свою очередь, являются классовая солидарность и дисциплина.

Если на первый, поверхностный, взгляд—в основе солидарности и дисциплины лежат принципы различного порядка, если в отвлеченном представлении нам мыслится, что действия, вытекающие из солидарности, являются результатом добровольного сознательного соглашения, действия же, основанные на дисциплине, являются результатом принуждения, то в пролетарской классовой борьбе дисциплина и солидарность суть явления одного и того же порядка, целиком вытекающие одно из другого и взаимно друг друга дополняющие.

Если рабочие Москвы и Петрограда поддерживали лодзинских ткачей в 1907 г. отчислением однодневного заработка, то этот акт

солидарности мог быть осуществлен лишь благодаря *дисциплине,* заставившей меньшинство, вопреки его воле, отчислять свой заработок. И наоборот, само подчинение обусловлено сознанием (хотя и смутным) единства интересов, необходимости сплоченных, согласованных действий и носит характер *добровольного подчинения, классовой солидарности.*

Несмотря на то, что необходимость профессиональной дисциплины никем не оспаривалась на организационной секции II С'езда, тем не менее именно по этому вопросу прения достигли наибольшей остроты. На первый взгляд казалось, что спор идет лишь о методах проведения дисциплины, но, при внимательном анализе, сущность разногласий сводилась к различному пониманию организационного масштаба движения, к различному пониманию его задач.

В определении общего принципа об'единения экономических организаций наши противники, не отрицая необходимости признания такового, отстаивали, конечно, менее определенную старую формулировку, возражая против дополнения ее признанием диктатуры пролетариата, как необходимого выражения классовой борьбы и условия осуществления социализма.

По вопросам организационной дисциплины наши противники, оспаривая методы, в то же время оспаривали и масштаб дисциплины: признавая право союза исключать своих членов за нарушение союзной дисциплины, они спорили против права высших органов профессионального движения исключить целые союзы за нарушение постановлений профессиональных центров.

Но в данном случае этот вопрос определяется взглядом на российское профессиональное движение в целом: рассматривая таковое в общем, как единое целое, приходится, конечно, признать каждый отдельный союз лишь частью, подчиненной этому целому.

В этом смысле и был принят пункт 15 резолюции, гласящий:

„Рассматривая Российское профессиональное движение, как единую тесную пролетарскую классовую организацию, ставящую единую общеклассовую цель — завоевание и организацию социалистического строя, должно признать, что член каждого производственного союза, входящего во Всерос. или местные Советы союзов, выполняющий свои союзные обязанности, являясь в то же самое время и членом всероссийского профессионального движения, при переходе из одного производства в другое, вступает в соответствующий союз на правах старого члена без уплаты вступительного взноса. Никто не должен быть одновременно членом в двух союзах".

Этот пункт не встретил никаких возражений и не подвергся изменениям. Признав в принципе российское профессиональное движение, как организационное целое, С'езд определил этим и формы строения союзов, и характер взаимоотношений различных союзных органов. Лишь рассматривая профессиональное движение, как единое целое, проникнутое едиными задачами, мы достигаем единства, стройности и дисциплины и одновременно прекращаем всякую союзную конкуренцию. Конечно, лишь после долгого периода работы, лишь постепенно союзы привыкнут рассматривать себя, как часть единого, общего, более важного целого, отодвигая на второй план частные местные интересы. Русские профессиональные союзы ушли в этом отношении значительно дальше прочих союзов и, безусловно, линия, данная II С'ездом, поведет к укреплению и осуществлению единого организационно-целого российского профессионального движения.

Сам вопрос о переходе членов из союза в союз на правах старых членов, без вступительного взноса, не является чем-то новым: это право признается большею частью социалистических союзов Западной Европы, оно теоретически празнавалось и большинством наших союзов, но, не будучи зафиксирован в резолюциях с'ездов и конференций, этот принцип был мало распространен, а некоторым союзам был совершенно неизвестен. Между тем это право должно быть известно каждому члену союза. Союзы должны в циркулярах требовать от своих ячеек и делегатов, чтобы при приеме нового члена таковой опрашивался бы, не состоит ли он членом какого-либо союза, и в случае, если последний таковым состоит, он должен освобождаться от вступительного взноса. Это заставит членов более внимательно относиться к выполнению союзных обязательств, это приучит рабочего более ценить свое членство. Следует неустанно раз'яснять рабочим массам ненужность и вредность двойного и тройного членства, ведущего к бесполезному отягощению их бюджета, не дающего никаких привилегий и развивающего халатное отношение членов к союзам, ибо нельзя быть одновременно хорошим активным членом двух или трех союзов.

Но то, что признано правильным относительно отдельного члена союза, тоже должно признать и относительно группы рабочих, и пункт 16-й резолюции II С'езда распространяет право неоплаты взносов на групповые переходы, так часто встречающиеся в практике нашего молодого профессионального движения, с еще

незакончившейся организационной перегруппировкой. У нас до сих пор нередки случаи, когда отдельные производственные группы, цехи и профессии ошибочно входят не в надлежащий союз; при выходе из него и вступлении в соответствующий союз, последний, принимая группу в сотни, а иногда и тысячи членов, особенно из богатого средствами союза, всегда возбуждает вопрос о „приданом“, т.-е. о пропорциональном выделении средств из кассы старого союза, созданной при участии уходящих членов. На первый взгляд правильная мысль о том, что несправедливо отпускать членов, оставляя полностью в союзе при их участии созданную кассу, абсолютно не выдерживает критики, если рассматривать профессиональные союзы не как отдельно взятые, замкнутые, цеховые организации, а как нераздельные организационно-связанные между собой части единого классового экономического движения.

При таком взгляде, а II С'езд как мы видим из 15 параграфа именно так определил профессиональное движение, отпадают соображения об интересах „моего“ или „нашего“ союза, властное место занимают интересы профессионального движения в целом, приучая рассматривать и „другие“ союзы, как одинаково близкие, свои.

16 пункт, являющийся логическим продолжением пункта 15-го, равным образом не встретил никаких возражений. Будучи принципиально бесспорным для всех течений, представленных на II С'езде, он имеет колоссальное практическое значение для нашего профессионального движения, устраняя из практики, при групповых переходах, межсоюзные споры, трения и переписку о финансовых взаимоотношениях между союзами. Но помимо своего практического значения, сам факт бесспорности этого пункта является ярким свидетельством идейного роста наших профессиональных союзов, переживших и оставивших позади полосу цехового союзного патриотизма, стремящегося во всех случаях исходить лишь из своих профессиональных интересов. Профессиональные союзы осознали себя единым целым, организационными частями общего классового движения.

VI.

Вопросы об отношении к неорганизованной массе, о распространении на нее экономических завоеваний союзов, о методах воздействия на нее и вовлечения в союзы, являлись весьма спорными

в практике профессионального движения и совершенмо не освещены с принципиальной, теоретической стороны.

Разные союзы в разных странах по разному решали этот вопрос, распадающийся на две части: равенство всех рабочих в условиях труда и методы вовлечения неорганизованной массы в союзы. Первая часть, в свою очередь, распадается на несколько вопросов: 1) должны ли союзы стремиться к улучшению условий труда *для всех радочих* или только для *своих членов*, 2) должны ли союзы защищать интересы (при конфликтах и т. п.) *только* своих членов? 3) должно ли во время стачки оказывать материальную помощь неорганизованным?

Ни на один из этих вопросов практика профессионального движения в общем не давала положительного ответа. Так, английские юнионы, а также некоторые германские союзы при стачках и заключении коллективных договоров требуют определенного уровня заработной платы и общих условий труда для своих членов. Юнион следит, чтобы его члены не работали там, где платят ниже условной нормы, снимая их с работ, а порой и подвергая репрессиям (американские юнионы). Отсюда же вытекает, что юнион или союз принимает на себя защиту интересов только своих членов (уставный пункт).

Такие случаи, когда в одном и том же предприятии деревообделочники, например, бастуют в то время, как металлисты продолжают свою работу, ясно вскрывают перед нами всю ошибочность и несостоятельность юнионистской политики индифферентизма к интересам и положению неорганизованных рабочих масс.

Если мы вспомним, что отличительной чертой английских юнионов до последнего времени были два обстоятельства—их корпоративно цеховая, порой замкнутая форма организации, с одной стороны, а с другой—об'единение только квалифицированных или обученных рабочих, то этим, само собой, определялись и полное безразличие к чернорабочей массе и размах стачечной борьбы, ограничивавшейся только верхушками производства.

Российское профессиональное движение с первых своих шагов (1905—7 г. г.) столкнулось с этими практическими вопросами, имеющими громадное принципиальное значение, как факторы, определяющие размах экономического движения и даже его общий характер. И профессиональные союзы России, те из них, которые вступили на путь строительства по принципу производства, по принципу об'единения в своих рядах всех рабочих и служащих, занятых в

предприятиях данной отрасли производства, конечно, не могли последовать, в разрешении разбираемых нами вопросов, за практикой западно-европейских цеховых союзов.

Сохраняя в своих уставах пункт, гласящий об интересах *своих* членов, союзы России на практике (были и обратные явления, но преимущественно в союзах, построенных по цеховым принципам) являлись защитниками интересов всех рабочих. Все достигнутые завоевания распространялись и распространяются союзами в, общем, для всех рабочих, масштабе. Экономические стачки в России, поражающие своим размахом и солидарностью, могли проходить так лишь при том обстоятельстве, что стачечная помощь, организуемая союзами, распределялась не только между их членами, но и между всеми остальными рабочими.

Больше того, даже пособия при безработице и дорожное пособие в тех случаях, когда они практиковались союзами, распространялись часто и на не-членов. Так, например: петербургский союз печатников, имея перед собой безработицу и ведя в то же время обширную стачечную борьбу за общее улучшение условий труда, давал, в интересах этой борьбы, пособия безработным, дабы обезопасить себя от штрейкбрехерства на почве голода.

Таким образом, вопрос об отношении к неорганизованной массе, согласно общему характеру нашего движения, практически давно решен нашими союзами и в данный момент важен для нас, как вопрос неразрывно связанный с *общим* или *обязательным* членством. Когда мы переходим к этому вопросу даже с точки зрения старого профессионального движения в капиталистическом обществе, с обычными его методами борьбы и ограниченными его задачами, становится ясным, что организованная часть пролетариата кровно заинтересована в том, чтобы как можно меньшая часть его оставалась вне рамок союзного влияния, ибо отношением общего количества организованных к неорганизованным определяется мощность союза, его успех.

Говоря об обязательном членстве, наши идейные противники часто вкладывают в эти слова понятие о принудительном воздействии на неорганизованных, часто противопоставляя „принуждение" основному смыслу рабочей коалиции—добровольной организации рабочих.

Подойдем к этому пункту наших разногласий и попытаемся вскрыть его сущность и разобраться в выдвигаемых против него возражениях. Во-первых, обязательность членства для рабочих каждого

предприятия, проводимая посредством организованной воли большинства, путем постановлений общих собраний, наши противники сознательно или бессознательно смешивают с введением обязательности членства путем воздействия государственных органов; во-вторых, организованное воздействие большинства на меньшинство они противопоставляют агитационно-пропагандистской работе союза, как нечто одно другое исключающее. Прибавив к этому несколько туманных фраз о „недопустимости какого бы то ни было насилия воли", о том, что главным оружием в деле привлечения членов в союзы должна служить идейная работа среди масс, мы исчерпаем арсенал всей аргументации против пункта 17 резолюции II С'езда, который гласит:

„Стремясь к улучшению экономического положения всех трудящихся, независимо от того, являются ли они членами союзов или нет, союзы, принимая на себя ответственность за правильное функционирование предприятия или учреждения, за трудовую дисциплину в среде работающих и соблюдение проводимых союзом положений о нормировании заработной платы и производительности, должны стремиться к введению обязательного членства во всех об'единяемых ими предприятиях и учреждениях, путем постановлений общих собраний самих работающих в данных предприятиях".

Прочитав внимательно этот пункт, всякий, не ослепленный партийной борьбой, увидит, что речь идет об обязательном членстве рабочих каждого отдельного *предприятия и учреждения*, а не в общегосударственном масштабе, что решение этого вопроса в каждом случае передается не высшим союзным органам, а самим трудящимся и, наконец, что самый вопрос поставлен в перспективе, т.-е. что союзы *„должны стремиться"* к введению обязательного членства. Все это ни в малейшей степени, конечно, не исключает идейного влияния союзов, их культурно-просветительной работы, устной и печатной агитации, а наоборот: самый метод—„путем постановлений общих собраний самих работающих"—предполагает именно такую работу и лишь указывает организационный момент завершения этой работы.

Где же тут методы насилия? Ведь для того, чтобы добиться проведения обязательного членства в общепроизводственном масштабе, союзу определенной отрасли промышленности придется проделать гигантскую агитационную и организационную работу: подготовить всю массу работающих в предприятиях, сплотить своих членов, использовывая их, как влиятельную группу, для частной агитации и для агитации во время подготовительных собраний и т. д.

Конечно, если на каком-либо предприятии остается меньшинство, которое будет голосовать против всеобщего вступления в союз, то ему придется подчиниться воле большинства, но с давных ли пор меньшевики и эсеры стали рассматривать это, как насилие? Разве таким же образом нельзя назвать насилием об'явление и окончание стачки? Разве возможно вообще выражение воли масс, разве возможно само рабочее движение без добровольного подчинения меньшинства большинству?

Несомненно, что лишь в пылу полемики можно увидеть здесь элемент насилия. Мы, марксисты, всегда признавали право большинства навязывать свою волю меньшинству и больше того—обязанность меньшинства подчиняться. И несомненно, что все рабочее движение построено именно на подобном насилии, не только моральном, но и организационном, экономическом и даже физическом...

Взглянув на мотивировочную часть 17 п., всякий знакомый с профессиональным движением увидит, что, как посылки, так и выводы не являются чем-либо новым в теории и практике экономического движения пролетариата.

История профессионального движения знает, что рабочим союзам неоднократно удавалось добиваться договоров с предпринимателями о приеме на работу только членов союза. Более того, мы знаем случаи, когда во имя сохранения заключенного коллективного договора, союзам, по требованию предпринимателей, приходилось выступать с репрессиями против своих членов, нарушающих договор. Конечно, на этой почве разводились, разводятся и будут разводиться демагогические истерики, но, основанное на дисциплине и подчинении интересов меньшинства интересам класса в целом, рабочее движение проходит мимо дешевой демагогии.

Безусловно, при проведении кампании за обязательное членство, а оно мыслимо лишь как результат кампании, т.-е. упорной союзной организационной и агитационной работы, от союзов потребуется необходимый такт по отношению к малосознательным слоям пролетариата, много выдержки и терпения, но, следуя по пути, намеченному II С'ездом Профессиональных Союзов, союзы достигнут поставленной перед ними переживаемым моментом цели.

II. Принципы организационного строительства профессиональных союзов: III С'езд.

II Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов проходил уже в более определенной исторической обстановке, нежели I С'езд. Общая линия развития диктатуры пролетариата,—в обстановке гражданской войны и экономической изоляции Советской России от международного рынка, шла на прямое осуществление социализма, путем концентрации в руках государства не только всех средств производства, но и постепенного сосредоточения в его руках основных предметов и продуктов потребления, а следовательно, и их распределения.

Военные осложнения, переход страны на положение осажденной крепости, ускоряли этот процесс. В соответствии с этим определялась и общая линия профессиональных союзов, направленная в сторону постепенного слияния („сращивания") их с органами государственной власти и, в первую очередь, с хозяйственными органами. Конечно, самый этот процесс представлялся как естественное врастание союзного аппарата в государственный, как передача союзам некоторых функций государственных и, наконец, построение союзов по типу органов государственных, предназначенных для выполнения тех или иных специальных общегосударственных задач.

В обстановке гражданской войны и пассивного сопротивления со стороны интеллигенции—не было и не могло быть для Советской власти иной силы, на которую она могла бы положиться в деле построения и оздоровления государственного аппарата и, главным образом, хозяйства, кроме профессиональных союзов, так как все силы и внимание партии были сосредоточены в тот момент на военных задачах. Отсюда вытекало: курс на овладение профессиональными союзами хозяйством, соответственное воспитание для этого широких рабочих масс, путем привлечения их через профес-

сиональные союзы к делу управления производством. Таковы были лозунги, под которыми и проходили II, III (и по инерции IV) с'езды профессиональных союзов.

Эти хозяйственные задачи, по мере упорядочения взаимоотношений между хозяйственными органами и профессиональными союзами, диктовали нам установление соответственной организационной увязки между хозяйственными и профессиональными организациями, так как мы считали своей главнейшей задачей вопросы организации народного хозяйства во всей его полноте, т. е., как регулирование, так и управление хозяйством.

В процессе этой работы, профессиональные союзы, наталкиваясь на несовпадение организационных рамок отдельных всероссийских профессиональных организаций с соответствующими хозяйственными организациями (главки, центры), сталкиваясь между собой в отдельных вопросах, неизбежно приходили к мысли о необходимости установить разграничение сфер хозяйственного влияния, особенно в смежных союзах, уничтожить, так называемую, хозяйственную черезполосицу. В поисках наиболее целесообразных организационных форм строительства союзов, наиболее полно отвечающих хозяйственно-организационным задачам движения и обеспечивающих вполне разграниченную и строго определенную сферу влияния, профессиональные союзы постепенно подходили к развитию основного принципа строительства наших союзов по производству („одно предприятие—один союз") в принцип: „единый хозяйственный орган—единый союз".

Эта тенденция, постепенно наростая и развиваясь, получила свое выражение, как мы видим, в резолюциях по организационному вопросу III и IV Всероссийских С'ездов Профессиональных Союзов. Это расширенное толкование принципа строительства „по производству", под влиянием тех же соображений и потребностей хозяйственной целесообразности, в свою очередь, вело к дальнейшей утрировке данной идеи, выразившейся в предложениях отдельных союзов принять построение профессиональных союзов по вертикальной линии, т. е. когда все предприятия и работающие в них, начиная от добычи сырья, обработки и кончая распределительным аппаратом, должны входить в один союз.

Эта идея, в свое время (конец 1919 и начало 1920 г. г.) горячо обсуждавшаяся в профессиональных кругах и отвергнутая Всероссийским Центральным Советом Профессиональных Союзов (ВЦСПС), оставила, однако, после себя в качестве осколка, проведенного в

жизнь III и IV С'ездами, (что и привело к величайшей путанице в нашей организационной практике)—вхождение в один союз работающих как в производственных предприятиях, так и в хозяйственно-административных управлениях и их центральных аппаратах (напр., сотрудников ГОМЗ'ы и Отдела Металла—в Союз Металлистов, служащих Комгосора—в Союз Строителей и т. п.).

Вторым, несомненно важнейшим фактом, оказавшим влияние на организационное развитие профессиональных организаций, являлась политика и форма заработной платы. Политика государственного нормирования заработной платы, низкий уровень ее и выплата большей ее части натурой, вели к уменьшению денежной части заработной платы и к полной невозможности учета размеров реальной заработной платы, а это, в свою очередь, приводило к полному несоответствию членских взносов, собираемых лишь с денежной части заработной платы, (которая составляла лишь весьма незначительную часть реальной заработной платы), с финансовыми потребностями союзов.

Общая политика государства, снабжающего свои органы, в том числе и профессиональные союзы, всем необходимым, начиная от канцелярских принадлежностей и кончая продовольствием для сотрудников, бесплатно, создала известную незаинтересованность со стороны профессиональных союзов в правильной постановке финансов и способствовала их пренебрежительному отношению к членским взносам, к установлению правильной системы сбора, учета и правильного расходования их, ибо статья дохода от членских взносов, в общем бюджете профессиональных союзов, играла чрезвычайно ничтожную роль. Это, в свою очередь, приводило к известной независимости выборных органов союзов от массы их избирателей, т. е. членов союзов, к безотчетному и бесконтрольному расходованию средств, к разбуханию союзных аппаратов, к полной индифферентности членов союзов в отношении финансовой жизни своего союза, что, в общем и целом, вело к отрыву от масс. С другой стороны, это же вело к переходу союзов сверху до низу, почти на полное содержание государства. Необходимость внесения большей систематичности и порядка в дело финансирования, как в дальнейшем это будет видно из работ с'ездов, приводила к необходимости рассматривать всю финансовую политику союзов и их средства под углом зрения „единой общесоюзной кассы“. А это вело, в свою очередь, к установлению соответствующей системы финансовых и организационных отношений, как-то: финансирование из центра по

сметной системе, регламентация союзных штатов, т. е. усиление укрепление, централизация, вплоть до полной зависимости местных организаций от центральных во всех деталях практической деятельности, а в общем и целом—к известной бюрократизации всего союзного аппарата.

Первые годы существования Советского государства, протекавшие в обстановке напряженной гражданской войны, когда Советская власть, опираясь на профессиональные союзы, упорно отбивалась от натиска своих классовых врагов, как извне, так и изнутри, несомненно наложили на союзы и их организационные методы свою печать. Помимо необходимости заменять тысячи лучших своих работников, уходящих на фронт, усилением аппарата, введением военных методов в союзную работу (т. н. милитаризация союзного аппарата), этот период требовал от союзов принятия мер предосторожности, с целью не дать возможности врагам Советской власти использовать профессиональные союзы, их права и влияние на массы, как орудие борьбы с этой последней. Некоторые меры и постановления союзных органов, непонятные теперь, диктовались тогда переживаемой обостренной политической борьбой. К числу таких вопросов следует отнести вопрос о фондах, главным образом, стачечном, который являлся в период II С'езда одних из боевых вопросов в ряде наших разногласий с меньшевиками и эсерами, для которых стачечный фонд имел принципиальное значение, как формальное признание стачки законным методом экономической, а, главным образом, политической борьбы с единственным тогда существовавшим хозяином—Советским государством, и значение практическое, как возможное средство этой борьбы.

Остальные фонды—культурно просветительный, взаимопомощи и т. д. при таких обстоятельствах и умонастроении наших врагов могли легко превратиться в замаскированный стачечный фонд. Указанные причины диктовали большинству профессиональных союзов линию на полное уничтожение всяких специальных фондов, при чем и сама финансовая политика того периода, т. е. существование союзов почти исключительно на счет государственных субсидий, делала существование особых специальных фондов внутри союзов, живущих по смете, безусловно бессмысленным.

Голод и погоня за хлебом, бегство квалифицированной рабочей силы в деревню, милитаризация труда и необходимость учета всего работоспособного промышленного населения, ставили перед союзами задачу расширения своего влияния и распространения своих

организационных щупальцев от городов и промышленных центров к селам и местечкам.

Московские и петроградские рабочие, главным образом, активные члены профессиональных союзов, в качестве продотрядников и красноармейцев, разбросанные по местечкам, селам и деревням, форсировали этот процесс, создавая всюду, при наличии пролетарских и полупролетарских элементов, наиболее привычную и знакомую им форму рабочей организации—профессиональный союз, являясь таким образом проводниками и выполнителями этой задачи. А все вместе взятое вело к продвижению организаций профессиональных союзов в деревню, через создание упрофбюро и секретариатов.

Вот главнейшие факторы, под влиянием которых складывались и изменялись организационные задачи профессиональных союзов и которые в различные моменты, з той или иной степени, влияют как на роль и задачи, так и на организационное строительство профессионального движения. Проследить развитие и изменение организационных форм в практике нашего российского профессионального движения, исходя из понимания определяющего влияния экономики на задачи и формы рабочих организаций, определить степень влияния на него того или иного отражения ее в ряде конкретных, указанных выше факторов—и является задачей настоящей работы.

Как мы видим из основных принципов, данных резолюциями II С'езда Профессиональных Союзов,—II С'езд признал и декларировал об'единение и централизацию российского профессионального движения. И первым практическим шагом в этом направлении явилось расширение прав ВЦСПС.

Если до II С'езда, как мы видели, задачей Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов являлось „выполнять постановления с'ездов", „содействовать", „устанавливать связь", то II С'езд Профессиональных Союзов, считаясь с создавшимся положением, отчасти в развитие основных принципов, постановляет:

„Высшим руководящим органом общероссийского профессионального движения является Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов и, действующий от одного с'езда до другого на основе принятых с'ездами принципиальных положений, Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов" („**II Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов**". Изд. ВЦСПС. Резолюция по организационному вопросу, часть II, пункт 1).

В соответствии с этим, проводя последовательно этот принцип требовалось усиление союзной дисциплины и подчинение низших органов высшим и право соответственных репрессий в отношении организаций, не подчиняющихся данным постановлениям.

Это и выразил II С'езд соответственным постановлением.

„Все постановления Всероссийских С'ездов, Конференций и ВЦСПС обязательны, как для всех союзов, входящих в Общероссийское Профессиональное Об'единение, так равно и для каждого отдельного члена союза.

Нарушение постановлений и неподчинение им со стороны отдельных союзов влечет за собой исключение их из семьи пролетарских союзов" (там же, пункт 2, 3).

Отсюда вытекала соответствующая централизация и по линии производственных союзов, а равным образом проведение аналогичных отношений сверху до низу во всех звеньях профессиональных организаций—с одной стороны, и единство организационного построения—с другой. Это выразилось в следующем постановлении упомянутого С'езда:

„Высшим органом Всероссийского Производственного Союза является его Центральный Комитет; все постановления его, не противоречащие постановлениям высших органов Всероссийского Общепрофессионального Об'единения, являются обязательными как для каждого из его отделов, так равно и для каждого из его членов.

Все местные Советы Союзов строятся по схеме ВЦСПС с соответственным пропорциональным изменением в цифровых соотношениях. Все С'езды профессиональных союзов созываются на принципе прямой пропорции.

Постановления Всероссийских Производственных Союзов не могут быть отменены постановлениями местных Советов Союзов и обязательны для органов данного союза на местах" (там же, п.п. 4,5, 6).

Но осуществление этого положения наталкивалось на существовавшие в то время областные профессиональные организации. При отсутствии соответствующих областных государственных и хозяйственных органов, они являлись оторванными от общесоюзной политики в вопросах хозяйства, труда и заработной платы. Избираемые на областных конференциях профессиональных союзов, являясь руководящим органом профессионального движения данной области они либо проводили, как правило, свою областническую политику, что находилось в явном противоречии с существовавшей

тогда и необходимой для переживавшегося момента политикой централизации в области хозяйства и заработной платы, а, следовательно, были вредными, либо—просто излишней и не нужной передаточной инстанцией между центральными и местными организациями, лишь препятствуя установлению более живой связи между центром и местами (с остатками партизанской системы нормирования заработной платы, когда каждый местный Совет Профессиональных Союзов и местный Исполком, не считаясь с общими условиями, самостоятельно, в пределах сферы своего влияния, нормировали условия труда и заработной платы, что вело к вопиющим противоречиям и пестроте в условиях труда и заработной платы в смежных губерниях и областях, а наиболее яркими выразителями подобной местной политики и являлись Областные Комитеты и Советы).

Все это вместе взятое диктовало необходимость уничтожения „областничества", а вместе с ним и областных профессиональных органов в том виде, в каком они тогда существовали, т. е. избираемых организаций, находившихся по отношению к центрам в полуфедеративных отношениях. II-й С'езд поэтому постановляет:

„В интересах централизации союзной деятельности, укрепления связи центров с местами и правильной постановки союзных финансов, а равно теснейшего сотрудничества и связи профессиональных союзов, как с органами В. С. Н. Х., так и с Комиссариатом Труда, при единообразном строительстве профессиональных союзов и Советов Союзов, при нормировании заработной платы во всероссийском масштабе—следует признать, что областные союзные об'единения, как равно и Областные Советы Союзов, являются лишь ненужными передаточными органами между центром и местами, непроизводительно растрачивающими союзные силы и средства" (там же, п. 10).

Правда, уже ближайший С'езд ставит снова вопросы о создании областных организаций. Областные организации фактически не уничтожаются, они изменяются, но изменяются путем своеобразного метода упразднения старых выборных областных комитетов и создания новых организаций—Бюро,—зависимых не от места, местных интересов и местных профессиональных органов, а от центра. Основным злом областных организаций того периода являлось именно их т. н. „областничество", т. е. противопоставление интересов области интересам страны и задачам движения в целом. Причиной этого была выборность их местными организациями,

зависимость их от них, отсюда обязанность выражать и отстаивать во что бы то ни стало перед центром исключительно свои местные, областные нужды. Задачи, стоявшие перед профессиональными союзами, требовали проведения всюду и везде общей, единой линии, подчинения частных, местных, областных интересов интересам целого, общего. Это диктовалось необходимостью борьбы с своеобразными уродливыми проявлениями местничества, являвшегося результатом извращения лозунга „власть на местах",—борьбы за концентрацию сил и средств, за единство экономической политики. Эта задача требовала от областных органов проведения политики центра местными силами, контроля и руководства их деятельностью, что не могло быть выполнено выборными областными органами старой конструкции. Поэтому, уже вскоре после уничтожения областных организаций, таковые возникают вновь, но в новой форме Бюро или уполномоченного (с небольшим аппаратом) центральных организаций, назначаемых этими последними и зависимых от центра, а потому и являющихся глазами центра на месте, проводниками единой линии.

Финансовые вопросы, хотя и заняли значительное место в резолюции по организационному вопросу II С'езда Профессиональных Союзов, но основными, спорными и важнейшими вопросами финансовой политики союзов являлись вопросы о форме членского взноса и о фондах.

Вопрос о системе членского взноса несколько раз возникал в профессиональном движении России, неоднократно ставился, как спорный вопрос, в различных профессиональных организациях, при чем споры эти шли в плоскости: фиксированный или процентный пропорциональный членский взнос? С этой же точки зрения он дебатировался и на II С'езде Профессиональных Союзов.

Сторонники фиксированного (т. е. твердого, в определенном размере установленного) членского взноса расходились по вопросу его системы, а именно: должен ли он быть *единообразным*, т. е. одинаковым для всех членов союза, или *разрядным* (система, при которой, в общих чертах, члены делятся обычно на два разряда, в зависимости от квалификации, при чем для каждого разряда устанавливается особый размер членского взноса).

Не вдаваясь в оценку той или иной системы членских взносов, ибо это не входит в задачи данной работы, следует отметить, что преимуществом единообразного фиксированного членского взноса является, главным образом, его организующая сторона. Не-

смотря на очевидные преимущества фиксированного взноса, заключающиеся в легкости учета сбора взносов (благодаря марочной системе), количества членов союза и состояния союзных финансов, и в простоте системы отчетности и контроля, такой фиксированный взнос является абсолютно непригодным в условиях колеблющейся и, особенно, падающей валюты. Преимущество процентного взноса, помимо его моральных положительных качеств, заключающихся в том, что размер членского взноса зависит от высоты заработной платы и таким образом материальные жертвы, приносимые членом для своего союза, строго соответствуют высоте его заработной платы, заключается и в том, что он более или менее страхует союз от валютных колебаний и потерь на разницах, что у нас сыграло главную и решающую роль при выборе этой системы, и избавляет союз, в обстановке падающей валюты, от необходимости частых изменений размера членского взноса. I С'езд решительно декларировал систему процентного взноса, как единственно правильную и общеобязательную.

Что касается фондов, то под разногласиями по этому вопросу на самом деле крылись политические разногласия (см. выше). Сторонники стачечного фонда—меньшевики,—в качестве последнего, несокрушимого аргумента за стачечный фонд указывали на необходимость его для помощи союзам, находящимся в оккупированных областях и ведущим там энергичную борьбу против частного капитала. С'езд учел агитационное значение этого аргумента и не отрицая необходимости создания подобного фонда, централизовал этот фонд при ВЦСПС, тем самым вырвав из рук меньшевиков возможное орудие активной и организованной борьбы с Советской властью.

„В интересах развития союзной деятельности, при настоящем характере российского профессионального движения, все специальные и неприкосновенные фонды, как стачечный, запасный и т. п., должны быть, как таковые, упразднены и слиты с общесоюзной кассой. Фонд помощи союзам, находящимся вне Советской России, создается при Всероссийском Центральном Совете Профессиональных Союзов из специальных сборов и пожертвований“ (там же, п. 16).

Таким образом мы видим, что если на III Всероссийской Конференции, в ее решениях по организационному вопросу, уже намечается и в перспективе признается, как принцип организационного строительства и политики союзов (правда еще весьма не определенно и робко),—принцип централизации профессионального

движения, а I С'езд Профессиональных Союзов уже определенно признает его и предлагает к осуществлению, создавая и первые предпосылки к этому, то II С'езд Профессиональных Союзов дает уже на основании имеющегося опыта решительно, определенно и в основном вполне законченную форму обще-российской централизованной обще-профессиональной организации, проводя и соответствующую (как это видно из резолюции II С'езда) централизованную политику по вертикальной линии, т. е. по линии производственных всероссийских союзов, сложившихся и вполне, в основном, оформившихся в период между I и II С'ездами.

Однако, формы централизации, данные II С'ездом Профессиональных Союзов, хотя и не были достаточно резко очерчены за отсутствием еще к тому моменту надлежащего опыта, обладали одним несомненно крупным достоинством: они оставляли достаточный простор для самодеятельности местных организаций (оставляя половину средств в их распоряжении с предоставлением права их свободного использования). Правда, С'езд оговаривается, что он рассматривает принятые положения в области финансов „как первый шаг к действительному осуществлению централизации союзных средств" (п. 13).

В области организационных взаимоотношений эта централизация, принятая II С'ездом, не стремится к регламентации всей практической деятельности местных организаций и к проведению одинаковых форм и средств во всех деталях союзного построения, признавая данный организационный план „наиболее целесообразной схемой организационного строения, соответствующей основным задачам профессионального движения в данный момент", и предоставляя всероссийским производственным об'единениям право самим устанавливать территорию и формы своих местных организаций.

„Территориальная группировка по отделам или подотделам должна устанавливаться Всероссийским Центром данного союза в зависимости от географического распространения и степени концентрации данной отрасли промышленности, придерживаясь по возможности границ, установленных административными делениями" (там же, п. 11).

Если мы попытаемся оценить историческую роль работ II С'езда в области организационного строительства профессиональных союзов, то мы должны будем признать, что эта роль является исключительной в истории нашего профессионального движения. II С'езд—впервые взяв, из сравнительно небольшого, но разнооб-

разного опыта движения, находившегося к тому же еще в зачаточном состоянии,—наметившиеся формы и тенденции организационного развития профессиональных союзов, последовательно соподчинив их общим задачам рабочего класса в тот момент,—впервые перешел от общедекларативных постановлений о „желательности“, „правильности“ и „необходимости“ принципиально-правильных предположений о направлении организационного развития наших союзов—к разработке и даче практически осуществимых, возможных, а потому подлежащих выполнению организационных принципов и норм, дав законченную, централизованную, проникнутую единством принципа построения схему общесоюзной всероссийской организации.

Общие принципы организационного строительства союзов впервые явились не оторванной от практики теорией, но необходимой предпосылкой практического строительства союзов и руководящей нитью в разрешении спорных вопросов повседневной организационной практики.

Заслуга II С'езда в этом вопросе та, что он рассматривал организационные задачи профессиональных союзов в целом, *как задачи целостной организации*, давая *общие нормы*, а не размениваясь на второстепенные детали. Его задания давались *всем* профессиональным организациям, сообразно с общей зрелостью движения, поэтому они и оказались доступными и выполнимыми в большей их части. В деталях—II С'езд предоставлял право самодеятельности местным организациям, ибо лишь на основе этой последней возможно разнообразие организационного опыта и дальнейшие успехи в развитии наиболее совершенных форм строительства союзов.

И если в дальнейшем мы увидим, что под влиянием тяжелых и экономических, и политических условий профессиональные союзы уже на ближайшем с'езде отошли от принципов, данных II С'ездом, то мы (теперь, через несколько лет) можем рассмотреть, что то было неправильное отклонение, *ошибка*, правда, неизбежная в обстановке переживавшегося тогда военного периода, но тем не менее—ошибка.

И мы, действительно, видим, что уже III С'езд констатирует,—под влиянием указанных причин,—уклонение профессиональных союзов в своей практической работе от пути, указанного II С'ездом, констатирует что профессиональные союзы „в значительной мере ослабели“.

„Это ослабление союзов выражается в значительном отрыве высших и низших союзных органов друг от друга, в несогласованности частей союзного аппарата и в недостаточном влиянии союзов на широкие массы своих членов“ (**„Резолюции и постановления III Всер. С‘езда Проф. Союзов“**, изд. ВЦСПС Москва, 1920 г. Организац. задачи профсоюзов, пункт 1.)

Итак, мы видим, что уже к периоду III С‘езда (1920 г.) союзы ослабели, ибо все „активные силы“ оказались на фронте. Их нужно было чем-то заменить, существующий пробел должен был быть чем-то восполнен. Но чем? Единственный ответ на этот вопрос мог быть только таким, каким мы его и видим в резолюции III С‘езда.

„Основная организационная задача ближайшего периода — укрепление всего союзного аппарата,—может быть осуществлена в условиях изменения характера, метода и темпа организационной работы“. Под этим углом зрения и прошла вся работа III С‘езда по организационному вопросу. Укрепить оборванные связи путем усиления связи с местами, изменить методы работы, восстановить разрушенный аппарат, заменить отсутствующих работников более четкой дисциплинированной работой аппарата, усилить централизацию и дисциплину—вот лейт-мотив резолюции III С‘езда по организационному вопросу.

Преследуя эти задачи, III С‘езд Профессиональных Союзов необходимо должен был идти дальше по пути централизации всей общесоюзной организации, и мы видим что, по резолюции III С‘езда, Губпрофсоветы „как органы ВЦСПС, координирующие и руководящие деятельностью Губотделов и Уездбюро, работают по его директивам и по утверждаемым им сметам“ (там же, п. 12-е).

В соответствии с этим уездное бюро профессиональных союзов, согласно той же резолюции „является органом Губпрофсовета, живет по утверждаемой им смете и на средства им отпускаемые, действует под его руководством и непосредственным контролем, проводя все директивы вышестоящих органов“ (там же, п. 12-в). И, наконец: „Секретариат является органом уездного бюро на местах, работает под его непосредственным руководством по утверждаемой им смете и проводит в жизнь все его постановления, не противоречащие постановлению высших органов“ (там же, п. 12-б).

Возмещая отсутствие сил, брошенных на фронт, и возмещая порванные военными условиями организационные связи усилением дисциплины и единством воли, III С‘езд неизбежно должен был

пойти—и пошел—дальше по пути централизации, превратив Губпрофсоветы *из местных советов* профессиональных союзов, руководящих их деятельностью, в органы,—т. е. фактически в филиальные отделения—ВЦСПС, проводящие *его* волю на местах и наблюдающие за проведением ее в жизнь.

Равным образом, мы видим, что в схеме союзного строительства выступает и занимает свое определенное место новый межсоюзный орган—секретариат. Какие задачи ставил Всероссийский С'езд для этих секретариатов? „В местечках и поселках с небольшим количеством рабочих, не имеющих вовсе или в значительной части отделений своих производственных союзов, создаются местечковые (поселковые) секретариаты, задачи которых—тесное сплочение и правильная организация мелких групп рабочих и служащих, оторванных от центра, связь их с ближайшим центром и руководство деятельностью общепрофессионального характера" (там же, п. 12-а.)

Таким образом, профессиональные союзы, несмотря на признанную слабость своих сил и средств, расширяют сферу своей деятельности, продвигаясь к деревне. Как мы указывали уже выше, следом или вернее вместе с уходящими из городов от голода в деревню рабочими, шли и их организации—профессиональные союзы. Поэтому ошибочно было бы думать, что уездпрофбюро и секретариаты являлись чем то надуманным, устраиваемым для дополнения и стройности союзного аппарата. В тот момент, когда III С'езд санкционировал их существование и определил их место в сети общесоюзной организации, в различных формах уже существовали разрозненные, а порой, в той или иной форме, связанные между собой профессиональные ячейки местечковых организаций. Их принесли с собой и создали на местах, в глухих уголках России, ушедшие из Петрограда металлисты, а из Москвы и Иваново-Вознесенска—текстильщики. С'езд закрепил и оформил их существование, определив их роль и задачи в общей цепи союзных организаций. Определив задачу Губпрофсоветов, как органов ВЦСПС, живущих по смете, утверждаемой этим последним, т. е. пойдя по линии централизации межсоюзных организаций,—усиление централизации по линии производственных союзов (по вертикали) являлось уже логическим и исторически неизбежным шагом, что и выявилось здесь по линии финансовых взаимоотношений. Резолюция III С'езда так определяет ее:

„С'езд в основу финансовой политики союзов кладет принцип централизации касс. Как шаг к осуществлению ее, С'езд признает нужным уже в настоящее время установить централизацию по производственным об'единениям, устанавливая нижеследующие финансовые взаимотношения" (там же, п. 27.)

Каковы же эти взаимоотношения?

„Из общей суммы всех поступлений от членов данной губернии (или района), кроме поступлений по единовременным сборам, указанным в § 16, Губотделы передают 30% своему Ц. К. и 10% Губпрофсовету, остальные 60% считаются авансовым кредитом, в счет представленной Ц. К. на утверждение сметы, и расходуются отделом и входящими в его состав отделениями по статьям сметы. Всеми остающимися свободными суммами Ц. К. распоряжается по своему усмотрению" (там же, п. 30.)

Аналогичные отношения устанавливаются вплоть до низших ячеек. Итак, здесь мы уже видим, что централизация дошла не только до принципиального признания единства союзной кассы, но и переходит в фактическое право высших союзных центров распоряжаться всеми союзными средствами, регламентируя в сметном порядке все расходы, а тем самым и всю деятельность своих органов. Правда, центральные комитеты лишь отчисляют известный процент ВЦСПС, они еще не переведены на смету, но первый шаг и в этом направлении делается III Всероссийским С'ездом:

„Не реже одного раза в месяц представляются денежные отчеты губернскими отделами своему Ц. К. и Губсовету, а последними, в свою очередь, ВЦСПС" (там же, п. 37).

И, наконец:

„Пленум ВЦСПС избирает ревизионную комиссию для ревизии дел ВЦСПС—ВЦСПС имеет право назначать ревизию отдельных Ц. К. и Губпрофсоветов" (там же, п. 38)

Итак мы видим, что централизация союзов не только достигла определенной зрелости, но, благодаря введению такой системы, утверждение смет, лишая низшие органы права распоряжения средствами по своему усмотрению, неизбежно приводило к мысли об единой, во всех отношениях, организации. Дальнейшие шаги по этому пути неизбежно вели к созданию „единого союза", при котором производственные союзы стали бы лишь его (этого союза) секциями. Таковым „единым союзом" и должен бы был явиться ВЦСПС, имея внутри себя секции (теперешние Ц. К.) и филиалы на местах в лице Губпрофсоветов. В этом направлении

технически, правда, нужно было бы сделать еще несколько уже незначительных шагов, которые С'езд и поручает осуществить ВЦСПС: „ВЦСПС должен выработать примерные сметы и штаты для Губпрофсоветов, а последний для уездбюро“ (там же п. 39).

Идея „единого союза,“ как видим, уже имеет все необходимые предпосылки—единая касса, сметное существование, смета, утверждаемая высшим органом, регламентация (правда, пока примерная) штатов, безусловное выполнение директив и предписаний высших органов—не достает весьма немногого, и С'езд сознает это, говоря: „законченная схема союзного строительства приведет к уничтожению самостоятельных, производственных об'единений и к превращению их в секции общероссийского центра профессионального движения“.

Итак, уже III С'езд не только делает ряд шагов, но и учитывает, что эти шаги ведут к уничтожению отдельных союзов и созданию „единого союза.“ Хотя этот термин еще и не употребляется и самый процесс кажется далеким, однако, III С'езд, как мы видим, на деле весьма близко подошел к осуществлению этой идеи.

Мы видели, что в отношении членства II Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов указал, что союзы „должны стремиться к введению обязательного членства во всех об'единяемых ими предприятиях и учреждениях, путем постановления общих собраний.“ Из этого вытекла необходимость соответствующей длительной кампании, идейной борьбы за это и т. д. *). Иными словами, II С'езд ставил это как задачу, но не как директиву, даваемую к немедленному выполнению. Систему, метод осуществления обязательного членства II С'езд не определил, и мы видим, что обязательное членство настолько широко вошло в жизнь, что к III С'езду Профессиональных Союзов стало фактом, о котором не только никто не спорит, но и не говорит. И, однако, в постановлениях III С'езда мы находим одно решение, в дальнейшем сыгравшее колоссальную роль в вопросе обязательного коллективного членства, приведя безусловно принципиально правильное положение к искажению, граничащему с отрицанием. По вопросу о методах взимания членских взносов III С'езд говорит: „По постановлению местных союзных органов заводоуправление предприятия или учреждения

---

*) Как мы и раз'ясняли в ряде статей, написанных непосредственно после II С'езда Профессиональных Союзов в издававшемся тогда „Профессиональном Вестнике“. Эти статьи почти без изменений составили брошюру „Принципы организационного строительства профсоюзов“, вошедшую в качестве первой части в настоящую работу.

удерживает членские взносы при выдаче заработной платы“ (там же п. 26.)

Речь идет здесь, как будто, о сравнительно небольшой технической стороне вопроса о членстве. На самом же деле в той обстановке, в которой находились союзы к моменту III С'езда (отсутствие активных работников и т. д.), система отчисления членского взноса прямо администрацией государственных предприятий из заработной платы рабочего, значительно упрощая технику собирания членских взносов, создавая экономию во времени и в работе, в то же время в дальнейшем, при отсутствии повторных, поверочных голосований на общесоюзных собраниях рабочих и служащих предприятий и учреждений вопроса о членстве, выливалась в очевидное извращение самого принципа. Вновь поступающие рабочие, при данной системе, не могут быть никем опрошены о желании состоять в союзе, да и сам опрос не мог иметь практического смысла, ибо по отношению ко *всем* рабочим данного предприятия, с которых вычитались членские взносы, каждый в отдельности рабочий (и даже группа), являлся незначительным меньшинством. Равным образом, новоприбывший в обсуждении вопроса о членстве и в голосовании его участия не принимал, между тем как бездушный канцелярский аппарат заводоуправления автоматически удерживал у него известный процент заработка в качестве членского взноса в союз. При таких обстоятельствах *обязательное, по постановлению большинства рабочих, членство, обязательное в силу пролетарской классовой дисциплины, превращалось в принудительное. Создавалось такое положение*, при котором отдельного работника зачисляют в союз не потому, что он, участвуя в собрании и оставшись хотя бы в меньшинстве, морально обязан подчиниться воле большинства (или покинуть завод), а потому, что он работает на данном предприятии и самый факт поступления его на это предприятие автоматически влечет за собой его вступление в союз.

Таким образом, понятие о членстве каждого работника в отдельности или членстве коллектива подменяется фактически членством *предприятия*. Здесь мы видим, как мероприятие технического характера повлекло в дальнейшем, на практике, к извращению самого, правильного по существу, принципа. Характерно, что это постановление принял как раз III С'езд Профессиональных Союзов, который главной задачей организационной деятельности союзов ближайшего периода считал оживление союзной деятельности и сближение органов союза с массою, между тем, как при-

нятое решение о порядке взимания членского взноса неизбежно вело к обратному результату. Это дает нам наглядный урок того, какое важное значение, в области профессионального движения, имеет техника, иллюстрируя на опыте, что осуществление тех или иных задач зависит от точного соответствия им методов и технических приемов осуществления. Техническое упрощение (которое диктовалось отсутствием сил и организационной слабостью союзов), допущенное в этом вопросе III Всерос. С'ездом Профессиональных Союзов, повело к дальнейшему ослаблению связи с массами, осложняя тот основной вопрос, который хотел разрешить III С'езд.

В отношении кустарей, трудовых артелей и коммун III С'езд отклонился в сторону от того определения экономической и социальной сущности этих организаций и их членов, которую дал II С'езд. Исходя из интересов „вовлечения полупролетарских элементов" в сферу пролетарского влияния, III С'езд переоценил процесс перерождения кустаря, а эта ошибка повела за собой и другую ошибку—отношение к ним профессиональных союзов.

В то время, как II С'езд, констатируя мелко-буржуазную экономическую сущность и идеологию этих элементов, считал опасным включение их в ряды экономически-организованого пролетариата, III С'езд так определил роль кустарей и их об'единений: „В эпоху диктатуры пролетариата, опасность превращения производительных кооперативов в акционерные предприятия, как это имело место в капиталистических странах, исключается,—ибо производственные возможности их ограничены: хозяйство страны развивается по направлению, обезвреживающему капиталистическое стремление трудовых артелей" (там же, п. 41).

Иными словами, не отрицая наличности капиталистических стремлений в трудовых артелях, III С'езд не дооценил их „производственные возможности", переоценив в то же время „обезвреживающее направление экономического развития страны". Отсюда вытекала и вторая ошибка. Если II С'езд признал эти элементы, „неподдающимися, в силу их распыленности, пролетарскому контролю", то III С'езд, исходивший в организационном вопросе из основной посылки—„ослабление союзной деятельности",—признал в то же время принципиально допустимым и практически осуществимым включение их в союзы, правда, при условии выполнения ими целого ряда условий, возложив контроль за выполнением этих условий на

союзы и, наконец, поставив еще одну „загородку“: санкцию вышестоящего союзного органа. Постановление Съезда гласит:

„В целях ограждения пролетарских профсоюзов от наплыва непролетарских элементов, В.Ц.С.П.С. и Губпрофсоветы ведут по соглашению с соответствующими хозяйственными органами регистрацию артелей, коммун и трудовых товариществ и всех вообще производительных кооперативов, контролируют через эти же хозяйственные органы их деятельность, при чем отделения, Губотделы могут включать в свой состав членов вышеуказанных трудовых коллективов и коммун только с санкции Ц. К. и Губпрофсоветов. В случае разногласия вопрос переносится на разрешение В.Ц.С.П.С. и Ц. К. соответствующего производственного союза“ (там же, п. 46).

Очевидно, что даже и при наличии очень крепкой, разветвленной организации, с достаточным количеством активных работников и средств, выполнение контроля и регистрации бесчисленных мелких коммун и артелей было бы вряд ли по плечу и, конечно, это оказалось абсолютно неосуществимым для наших профессиональных союзов того периода. Как и показал потом опыт, при наличии принципиального допущения в союз членов трудовых коммун и артелей, все практические рогатки, поставленные III Съездом, оказались недействительными, ибо союзы были не в силе и в десятой доле контролировать эти мелкие производительные организации особенно в таких вопросах, как работает ли она целиком на С.Н.Х. или берет заказы и со стороны? Действительно ли „подчиняется“ правилам и инструкциям профессиональных союзов в области тарификации и нормировании труда и т. п.? На практике это привело к тому, что в союзы влились все т. н. трудовые коммуны, артели и даже кустари, которые хотели этого, а хотели этого те, кому было почему-либо выгодно вступление в союз. Ибо было бы величайшей наивностью думать, что мелкий производитель может пойти в рабочую организацию во имя ее конечных целей и интересов рабочего движения в целом. Как правило, они шли и добивались включения в союз для использования союза в своих интересах или для приобретения тех привилегий, которые государство предоставляло членам союзов. Ясно,—при внимательном взгляде на этот отдел резолюции по организационному вопросу (VII. О кустарях, артелях, коммунах и трудовых т-вах)—что по этому вопросу боролись два направления. Следы компромисса и неожиданных „поправок“ ясно видны во всей резолюции, как-то:

„Профсоюзы не принимают и не должны принимать в свой состав артели, коммуны и производительные кооперативы, как таковые. Члены артелей, коммун и трудовых коллективов могут быть членами соответствующего производственного союза только в том случае, если данный трудовой коллектив: а) не применяет наемного труда" и т. д. (там же, п. 45).

Следует перечисление ограничений, но, как мы знаем, эти ограничения не помогли, и на практике победа осталась за сторонниками включения в союзы артельных элементов. На самом деле, эти резолюции и явились результатом борьбы и целого ряда компромиссов между сторонниками оставления в полной чистоте линии, данной по этому вопросу II С'ездом, и представителями союзов, заинтересованных в принятии соответствующего решения, хотя бы за счет полупролетарских элементов.

Мы знаем также на опыте дальнейшего развития профессионального движения, что это расширение „союзной базы" не усилило и не укрепило тех союзов, в которые влились эти элементы; но следует принять во внимание, что главные соображения, которые заставляли некоторые союзы настаивать на включении в число их членов этих элементов, лежали не в профессиональной, а в чисто хозяйственной области. Желание подчинить мелкое производство данной отрасли промышленности, в хозяйственном отношении, влиянию соответствующего союза и соответствующего главка,— вот истинный мотив профессиональных союзов, требовавших допущения в союзы кустарей.

Приблизительно такого же рода соображения диктовали союзам необходимость взять в сферу своего влияния и приравнять в отношении заработной платы и снабжения—особенно в тех случаях, где снабжение рабочих было поставленно в более благоприятные условия—рабочих своего производства, служащих главных управлений своих хозяйственных органов. И здесь мы видим, что III С'езд пошел, равным образом, и на эту уступку, приняв следующее постановление:

„В свои производственные союзы входят также работники органов управления национализированными предприятиями, поскольку эти органы являются действительными непосредственными организаторами и руководителями производства, т. е. всероссийским, районным или кустовым заводоуправлением об'единенных предприятий (Гомза и др.), а не органами регулирования и распределения (Главуголь и др.). Работники же прочих комиссариатов, главков и

центров входят в союз советских служащих за исключением специалистов (инженер, техник, врач и т. п.), принимающих непосредственное участие в производственно административно-техническом руководстве предприятиями и учреждениями, которые входят в соответствующие производственные союзы“ (там же, п. 52).

Ясно, что никакими иными соображениями, кроме соображений хозяйственной политики, проводимой союзами, нельзя было об‘яснить и оправдать этого отступления от производственного принципа. С‘езд сознавал, что это ведет к противоречию с основным принципом организационного строительства профессиональных союзов по производству („одно предприятие—один союз“, а следовательно, и один коллектив в каждом данном учреждении).

Своим постановлением С‘езд пытается раз‘яснить и оправдать это:

„Один коллектив должен быть в тех предприятиях, которые представляют собой единое административно-хозяйственное и техническое целое. Там же, где всех этих условий нет (Компрод С.Н.Х. и проч.) может быть два и больше принадлежащих к разным союзам коллектива, составляющие, если это нужно, согласительную комиссию для разрешения интересующих всех рабочих и служащих данного учреждения вопросов. Никакие центральные об‘единенные комитеты нескольких предприятий и учреждений, связанных единым административным центром — недопустимы“ (там же, п. 53.)

На самом деле это была лишь мотивировка, попытка оправдания компромисса, ибо, даже беря приведенные примеры, приходится признать их неубедительными, так как Компрод, и ВСНХ являются в организационном и административно-хозяйственном отношении техническим целым, ибо их главки и центры являются лишь особой формой функциональных отделов. Создание нескольких коллективов (а при ВНСХ их было около 20-ти) и необходимость их согласованного и совместного выступления перед соответствующим руководящим и об‘единяющим административно хозяйственным органом неизбежно толкали их к созданию межсоюзного коллектива, что и предусматривает резолюция III С‘езда, относясь к этому отрицательно в последнем абзаце вышеприводимой выдержки.

Итак, мы видим, что III Всероссийский С‘езд Профессиональных Союзов, под влиянием обстоятельств политического (война) и хозяйственного характера, принял целый ряд шагов в сторону дальнейшей централизации союзной деятельности. Но, при отсут-

ствии сил, средств, слабости аппарата и тягчайших условий военного времени, эти мероприятия, имевшие целью укрепить и усилить союзную организацию, дабы оживить связь с массами, поднять авторитет и влияние союзов среди широких рабочих масс, с неизбежностью должны были бы привести, и на самом деле впоследствии привели, к ослаблению инициативы союзных организаций, к усилению бюрократизма и разбуханию штатов. Сами эти меры, начиная с III С'езда, логически вели к уничтожению общероссийских производственных организаций и к превращению их в секции „единого союза".

И хотя общий тон резолюции III С'езда по организационному вопросу проникнут курсом на укрепление и усиление вертикальных организаций, т. е. Центральных Комитетов, и—на ослабление прав горизонтальных, т. е. Губпрофсоветов, на самом деле, курс на „единый союз", фактически взятый III С'ездом, на практике приводил к обратному, т. е. к уничтожению вертикальных организаций и к превращению в руководящий союзный орган межсоюзных организаций на местах (правда, в качестве филиалов ВЦСПС), что и сказалось через год, уже в резолюции IV С'езда Профессиональных Союзов. Под влиянием хозяйственных задач профессиональных союзов, III С'езд принял два постановления, которые на практике привели, в отношении трудовых артелей и коммун, к разжижению профессиональных союзов непролетарскими элементами, а в отношении организации служащих главков и центров—к отклонению от производственного принципа союзного строительства и к длительной путанице в практической работе.

Определив технику осуществления обязательного членства посредством удержания членского взноса через контору, III С'езд, конечно, не мог предвидеть тех последствий, которые выльются из этой, на первый взгляд, сравнительно небольшой, технической подробности. В отношении общей организационной политики, III С'езд, под влиянием развивавшихся политических условий и экономики, пошел дальше, распространяя щупальцы профессиональных союзов от городов и промышленных центров к местечкам и селам.

И если мы видим, что в перечисленных выше решениях III Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов имеются ошибки, граничащие с принципиальным отступлением от линии, данной предшествующими с'ездами, то последнее решение являлось, безусловно, крупнейшей заслугой III С'езда. И несмотря на то, что в данный момент, после Февральского Пленума ВЦСПС 1922 г.,

отсутствие сил и средств принуждает нас к самоограничению—дабы не распылить бесполезно то малое, что мы имеем—и к сознательному сужению вследствие этого размаха деятельности, что заставляет нас отступить от деревни, собирая силы и накапливая их в городах,—мы все же уверены, что это лишь временное отступление.

Расширение союзных организаций вплоть до волостей и местечек несомненно сыграло свою роль, через эти свои щупальцы профессиональные союзы не дали рассосаться отхлынувшей от городов массе пролетариата, являясь связующим звеном между пролетарием, заброшенным в деревню голодом, и покинутой им промышленностью.

Сами ошибки III С'езда условны, ибо они обнаружились через два года, а для того момента и в той обстановке, в которой проходила работа профессиональных союзов того периода, они не вполне были такими, ибо профессиональные союзы отчетливо видели свои недостатки, но они искали путей и методов к их устранению, находя в этих поисках такие, которые давали надежду на улучшение, хотя бы на ближайший период, хотя бы и дорогой ценой. Но само дальнейшее существование и Советской Республики, и профессиональных союзов обеспечено было именно в те годы и *очень дорогой ценой*. Но кто мог указать другие методы, другие пути? И кто даже сейчас решился бы дать рецепт для оздоровления союзов в тот период?

III. Принципы организационного строительства профессиональных союзов: IV С'езд.

IV Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов (май 1921 г.) собрался в начальный период новой экономической политики. Но мы напрасно стали бы искать в резолюциях IV С'езда Профессиональных Союзов какого-нибудь значительного сдвига или даже попыток сочетания практических задач союзов с предстоящими изменениями экономики страны. Правда, уже на IV С'езде, в речах ораторов и даже в резолюциях, довольно отчетливо слышится, что новая экономическая политика не может не внести известных изменений в задачи, а,—тем самым,—и в организационные взаимоотношения союзов.

Но какие это будут изменения? В какую сторону? Как далеко пойдут общие экономические изменения, вызываемые известными уступками крестьянству на почве замены продразверстки продналогом? Этого мы в резолюциях IV С'езда Профессиональных Союзов не найдем. Да и можно ли было, находясь на пороге нэп'а, заранее учесть все те изменения, которые повлечет за собой продналог и ограниченный в тот момент тесными рамками товарооборот? Однако, предвидя возрождение мелкого частного капитала, С'езд учитывает, что появление рабочих в частных предприятиях вносит известную двойственность в задачи профессиональных союзов и в основной резолюции (о роли и задачах) говорит:

„Развитие мелкой кустарной и частновладельческой промышленности более высокого типа, при общем тяжелом положении фабрично-заводских рабочих, непрекращающейся их тяги в деревню, неизбежно поведет к созданию значительного ядра рабочих и служащих, занятых в ненационализированных предприятиях. Поэтому перед профессиональными союзами по отношению к этим рабочим является задача не только охраны и нормирования труда, но и защиты всей совокупности их экономических интересов от эксплоатации наиболее хищного, мелкого капитала. Отсюда вытекает:

а) создание, в случае необходимости, особых аппаратов наблюдения, разбора и ликвидации конфликтов, возникающих в частновладельческих предприятиях;

б) развитие организационной и агитационной деятельности среди рабочих частновладельческих предприятий;

в) изыскание новых организационных форм союзного влияния, представительства и взимания членских взносов в предприятиях частной промышлености;

г) расширение прав коллективов и фабричкомов, особенно в вопросах найма и увольнения;

д) развитие рабочей инспекции (с привлечением женщин работниц) по охране труда в частновладельческих предприятиях".

(„Резолюции IV Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов". Изд. Москва, 1921 г., см. п. 6).

И наконец, в тезисах по организационному вопросу (по докладу тов. Андреева), первый пункт их, равным образом указывает на важность организационных задач, стоящих перед профессиональными союзами, в связи с изменениями в области экономики и с наступившим периодом мирного строительства.

„Профессиональным союзам, на ряду со всеми организациями пролетариата (партия, совет), приходится в настоящий момент ставить, одновременно со всеми общими очередными задачами, с особенной серьезностью задачи организационные. Переход на хозяйственное строительство и изменение экономической политики Советской власти, выразившееся в продналоге, с вытекающими отсюда следствиями—свободный товарообмен—кооперация, развитие мелкой промышленности, упрощение структуры и методов хозяйственного управления, главным образом, в перенесении значительной части работы на места,—все это вместе взятое диктует профессиональным союзам приспособление организационного строительства к указанным задачам, делая его более гибким, быстро реагирующим на возникающие перед профессиональными союзами вопросы".

Мы видим таким образом, что С'езд и его руководители как будто вплотную подошли к вопросу, стоявшему перед профессиональными союзами. Сдвиг в экономике уже ясно ощущался профессиональными союзами и их руководителями. Профессиональные союзы понимали, что изменения в экономике повлекут за собой соответствующие изменения в их задачах, а изменение задач повлечет за собой изменение организационных форм и методов, и

IV С'езд, как мы видим из вышеприведенных выдержек, сознает, что нужно что-то в организационной работе изменить, но как и куда, в какую сторону —этого в тот момент не мог сказать никто, и поэтому IV С'езд ставит задачей *не изменение*, а *изыскание новых организационных форм*" (см. выше).

Больше того. В приведенных выдержках уже мы видим, что, определяя линию организационных грядущих изменений, С'езд нащупывает ее направление в области изменения *не принципов*, а *методов*. Мы уже видим из приведенных выше выдержек, что самый факт возможности появления частного капитала приводит союзы к необходимости что-то изменить в своей организационной работе и—что это изменение должно сказаться в изменениях методов работы, форм ее и что основные принципы не возбуждают сомнения. В какую сторону должно произойти изменение методов? И здесь мы видим, что С'езд в общем правильно намечает направление в изменении методов работ своей резолюцией о роли и задачах союзов:

„Вся совокупность практических задач профсоюзов может быть осуществлена лишь при соответственном укреплении и развитии союзных организаций в сторону большего приближения органов союза к массе членов, восстановления порванных организационных звеньев, предоставления большей инициативы местным, межсоюзным организациям" (пункт 11.)

Итак, изменение методов определено в сторону большего сближения органов союза с массою членов, но каждая линия должна быть осуществлена путем ряда приктических, конкретных, организационных мероприятий и лишь в том случае, если эти мероприятия в точности ей соответствуют—обеспечивается проведение в жизнь и осуществление данного лозунга, и лишь тогда и постольку сам лозунг приобретает реальное значение и ценность. Из опыта организационного развития профессиональных союзов мы видим, что под влиянием основного фактора, главным образом, экономики, и целого ряда производных от нее же других факторов (совокупность политических условий, как то: война, формы классовой борьбы, методы разрешения хозяйственных вопросов, формы заработной платы и т. д.) и, наконец, от степени большего или меньшего влияния каждого из них в данный момент на развитие профессионального движения и рабочий класс в целом,—изменяются и формы профессиональной организации. Что система и методы осуществления той или иной организационной задачи могут видоизменить таковую,

а порою и изменять, мы видим на ряде примеров в практике нашего профессионального движения. И в этом отношении, IV С'езд Профессиональных Союзов служит наиболее яркой иллюстрацией.

Мы видели, что уже III С'езд Профессиональных Союзов проходил под знаком мирного строительства, что III С'езд констатировал, что из военного периода профессиональные союзы вышли значительно ослабленными, с потрепанной организацией. Однако, мы знаем, что война с Польшей не дала возможности союзам (как и всему Советскому государству в целом) вплотную заняться мирным строительством. Несмотря на то, что воля III С'езда Профессиональных Союзов была направлена на восстановление и укрепление профессиональных об'единений, пострадавших в военный период, мы видим, что IV С'езд, собравшийся через год, заявляет: „Профсоюзы вышли из гражданской войны значительно ослабленными, что выражается: 1) в недостаточной связи организаций профсоюзов с широкими массами своих членов, а также между самими союзными организациями, 2) в слабой связи с хозяйственными органами, 3) в чрезвычайно ограниченном количестве активных союзных работников и 4) в недостаточной приспособленности аппарата и методов работы к быстрому выполнению заданий, стоящих перед профсоюзами".

Иными словами, положение профессиональных союзов к IV С'езду, в силу военной обстановки, оказалось таким же во всех деталях, каким оно было и к III С'езду. И мы видим, что IV С'езд ставит те же организационные задачи, какие ставил и предыдущий С'езд: „Задачи организационной работы в предстоящий период должны быть в основном направлены в сторону углубления организационной работы, укрепления и усовершенствования союзного аппарата с учетом опыта в повседневной работе, сплочения и воспитания широкой союзной массы членов и, наконец, укрепления связи союзных организаций с хозяйством и хозяйственными органами".

Однако, признавая факт вступления в новую экономическую обстановку и факт необходимости *новых организационных методов,* а частью и форм, IV С'езд так же, теми же мерами и методами, как и III, пытается разрешить стоящие перед ним организационные задачи. Будучи не в состоянии определить конкретно ни степени изменения общественной экономики, ни направления в изменении своих задач, IV С'езд, несмотря на признание необходимости изменения методов организационной работы и изыскания новых форм ее—без разрешения этих основных посылок, не мог найти решения к третьей, вытекающей из них задаче. Отсюда вытекало несоответ-

ствие методов решения с поставленной себе задачей и ее условиями. Между тем, государственная промышленность, формы управления ею, система ее организации шли еще по старому пути. Равным образом, формы заработной платы, как и методы ее нормирования получили весьма незначительное изменение, а все это вместе взятое неизбежно обрекало профессиональные союзы на движение по пути III С'езда. Поскольку основной и главнейшей задачей профессиональных союзов продолжали оставаться задачи хозяйственные, постольку и формы организации государственной национализированной промышленности, системы и методы ее управления неизбежно определяли направление организационного развития профессиональных союзов. Изменение в организационном развитии государственной промышленности заключалось в передаче целого ряда функций центральных организаций, главков и центров, создаваемым в то время областным хозяйственным организациям (экономическим совещаниям). IV С'езд между прочим говорит:

„Задачи профсоюзов в области организации хозяйства и теснейшего подхода к хозяйственным органам обусловливают собою и задачи организационного строительства в смысле наивозможно точного согласования строения своих организаций со строением хозяйственных органов, кладя в основу как тех, так и других принцип хозяйственной целесообразности. Но осуществление этого принципа не должно обозначать механического копирования схемы хозяйственных органов. В случае же необходимости и целесообразности не следует останавливаться перед организационными перегруппировками как тех, так и других“ (резол. по организ. вопросу, п. 23).

Мы видим, что здесь впервые декларируется принцип необходимости построения профессиональных союзов в соответствии с построением хозяйственных органов и отсюда делается следующий логический вывод:

„Происходящий в настоящее время переход от централизма главков к развитию большей самодеятельности местных хозяйственных и административных организаций неизбежно вызывает некоторый пересмотр организационных взаимоотношений с формами хозяйственного и административного управления.

Общий ход развития российского профдвижения явно определяет наметившуюся тенденцию в организационном развитии профсоюзов в сторону все большей концентрации работы производственных союзов в центре и на местах в межсоюзных об'единениях и постепенного превращения, таким образом, последних в единый

союз с производственными секциями. Но такое превращение в один союз ни в коем случае не должно искусственно форсироваться во вред союзной деятельности, а совершаться в процессе все большего и большего об'единения отдельных функций межсоюзных об'единений" (там же, п.п. 13 и 14.)

Итак, мы видим, что несмотря на то, что необходимость изменения методов организационной работы и ее форм живо чувствовалась и в резолюциях IV С'езда, и в речах ораторов, IV С'езд, определенно формулировавший это в своих постановлениях, определивший направление этого изменения как „большее приближение органов союзов к массе членов", в своей практической работе на самом деле пошел целиком по пути III С'езда. Больше того, линия централизации профессионального движения и концентрации союзных организаций в мощные местные межсоюзные об'единения и в центральные всероссийские организации по производственной линии на IV С'езде приобретает явно преувеличенное, несколько утрированное выражение,—она выливается в *концентрацию не только организаций, но и союзных функций.* Сама централизация принимает характер, противоречащий поставленной IV С'ездом себе задаче — приближению органов союза к массе членов,—ибо она выливается в мелочную, кропотливую регламентацию мельчайших деталей союзной работы, подавляя тем самым инициативу и самодеятельность отдельных союзных организаций, необходимость чего признавал IV С'езд.

В чем заключалась ошибка IV С'езда? На этот вопрос можно ответить лишь исходя из учета той об'ективной обстановки, в которой протекали работы С'езда, и которая отличалась чрезвычайной сложностью и своеобразностью. Эта своеобразность заключалась в том, что IV С'езд собрался и работал в момент перелома экономической политики. С'езд видел необходимость и неизбежность грядущих изменений, но профессиональные организации, а поэтому и С'езд, еще жили и работали в старой привычной обстановке. Решения С'езда диктовались опытом истекшего года и всей окружавшей обстановкой. *Профессиональные союзы знали,* что экономическая обстановка должна измениться, *но когда, как и в какую сторону — этого они определить не могли,* а могли лишь предполагать. Существовавшие же до С'езда и в период С'езда экономические отношения диктовали необходимость разрешения и выявления уже созревших, готовых, реальных вопросов. *Изменения предстояли в будущем, ответы же и решения нужно было и должно было выно-*

сить, исходя из настоящего, существовавшего в тот момент. Отсюда неизбежно вытекающее противоречие между поставленной задачей и методами ее решения. Задача вытекала из предвидения будущего, методы же работы, система и формы ее определялись учетом отношения сил и средств, на основании пережитого опыта, в настоящем.

Живя еще в старых экономических условиях, С'езд, определяя экономические задачи профессиональных союзов, говорит:

„Вся наша экономическая обстановка требует от профессиональных союзов самого непосредственного активного участия в налаживании и участии в производстве всем своим аппаратом в целом, а не путем простого делегирования своих членов в различные хозяйственные органы“ (резол. по докл. т. Цыперовича „Профессиональные союзы и хозяйство,“ часть II).

А если мы примем во внимание, что предвидимая тогда и поддерживаемая союзами реорганизация управления производства сводилась к предложению ВСНХ „...организовать вместо главков и центров главные управления, руководящие и управляющие отдельными отраслями промышленности через Совнархозы автономных республик, Промбюро и ГСНХ, а также через районные и кустарные правления для предприятий 1-й группы...“, при чем „главки и центры должны быть сведены и включены в состав производственно технических отделов главных управлений, с наиболее возможным сокращением их числа;“ (там же г. III, абз. в и г), то из этих определений основных, в тот момент, организационно-хозяйственных задач профессиональных союзов вытекал ряд моментов. Это, во первых, построение профессиональных союзов по типу хозяйственных органов, усиление централизации: существование профессиональных союзов, главным образом, и почти исключительно на средства государства, что, в свою очередь, вело к системе финансирования по сметам, определяемым и утверждаемым в центре, к регламентации штатов и структуры внутрисоюзного аппарата, к отчетности только перед центром в израсходованных суммах, к праву центра смещать и наказывать неисправных должностных лиц низших союзных организаций. А все вместе взятое — к „единому союзу.“

Очевидно, что вся эта система сложившихся союзных взаимоотношений вела не к инициативе мест, а как раз в обратном направлении — к превращению местных организаций в исключительно исполнительные органы центра, в формах, по системе и методам

этого центра, определяемых. При таких обстоятельствах *концентрация движения и организаций* превращается *в концентрацию и централизацию функций союзов.*

И отвечая на вопросы, в чем же заключалась ошибка IV С'езда, приходится ответить, что из противоречивого об'ективного положения того периода, в котором находились профессиональные союзы, вытекали сответствующие противоречия между существовавшими и намечавшимися задачами. Отсюда противоречия между задачами и методам и их осуществления, что всегда ведет к искаженню или отрицанию той задачи, которую себе ставят.

IV. Принципы организационного строительства профессиональных союзов: II Пленум ВЦСПС.

Прошел почти год, прежде чем для профессиональных союзов с достаточной отчетливостью выяснились те изменения, которые внес нэп в советскую экономику, и необходимость в соответствии с этим изменения союзных задач, организационной политики и методов работы. Инициатива в этом принадлежала ЦК РКП, совместно с ВЦСПС разработавшему известные тезисы. А собравшийся через два месяца (16 февраля 1922 г.) Пленум ВЦСПС мог уже приступить к обсуждению конкретной платформы не только в отношении общего изменения задач профессиональных союзов, но и в отношении деталей отдельных отраслей союзной работы.

Изменения, происшедшие в общественной экономике, по определению Пленума, выразились:

„а) в переходе от политики концентрации всех средств производства, всех хозяйственных единиц, порой весьма мелких, в руках государства,—к политике сосредоточения в его руках лишь важнейших отраслей промышленности; б) в переходе к принципу хозяйственного расчета, неуклонно вводимого Советской Властью во все отрасли хозяйственной деятельности, т. е. к переводу на коммерческие начала, что при общей культурной отсталости и истощении страны неизбежно будет, в большей или меньшей степени, приводить к противопоставлению в сознании масс администрации данных предприятий занятым в них рабочим; в) в предоставлении трестам и снятым с госснабжения предприятиям права реализации значительной части своей продукции на наиболее выгодных для последних условиях, что ставит отдельные государственные, хозяйственные единицы в непосредственные товарообменные отношения не только между собою, но и с вольным рынком" („Бюллетени

II Пленума ВЦСПС 16—19 февраля 1922 г.". Изд. РИО ВЦСПС Москва, 1922 г. „Задачи Союзов"—тезисы по моему докладу, пункт 3).

Исходя из того, что:

„Задачи профсоюзов, как и всех рабочих организаций, определяются в каждый данный момент теми об'ективными экономическими условиями, в которых живут и развиваются данные организации" (там же, п. 1)

Пленум признал

„Необходимость для профсоюзов изменить направление своей деятельности, соответственно значительно изменившимся экономическим условиям" (там же, п. 4).

В отношении частного капитала, Пленум признал, что „одной из самых главных задач профессиональных союзов является отныне всесторонняя всемерная защита экономических интересов пролетариата в его борьбе с капиталом", в отношении же государственной промышленности, эти задачи определились следующим образом:

„Точно также необходимость повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого госпредприятия, в связи с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия, неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам условий труда в предприятии между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятиями или ведомствами, к коим они принадлежат; поэтому по отношению к государственным предприятиям на профсоюзы безусловно ложится обязанность защищать интересы трудящихся, способствовать, по мере возможности, повышению материального их быта, постоянно поправляя ошибки и преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения госаппарата" (там же, п. 5).

Уже из одного этого положения в достаточной степени вытекала необходимость „пересмотра взаимоотношений между органами союзов и хозяйственными органами в деле управления промышленностью, в сторону отказа союзов не только от непосредственного вмешательства в ход производства, но и от принципа равной стороны в деле назначения заводоуправлений и проч. органов управления промышленностью" (там же, п. 6, второй абзац).

А все это вместе взятое требовало от профессиональных союзов:

„Поскольку до сих пор центр тяжести работы профсоюзов лежал в области организационно-хозяйственной и общее направление профессионального движения в соответствии с этим шло по линии сращивания профсоюзов с государственными органами, постольку была правильна, целесообразна и необходима политика концентрации и централизации профессионального движения, построения союзов соответственно построению хозяйственных органов, включая в состав союза соответственные отрасли промышленности, об'единяемые данным хозяйственным органом“ (там же, п. 19).

Необходимость этого перелома определялась тем положением и состоянием профессиональных организаций, в котором они находились к моменту Февральского Пленума. Работая на основе линии, данной IV С'ездом, союзы в отношении этой линии, на вышепоставленный нами вопрос, „была ли ошибка в линии IV С'езда Профессиональных Союзов по организационному вопросу и в чем она заключалась“? получили исчерпывающий ответ от II Пленума ВЦСПС

„Выполнение союзами целого ряда функций государственных органов, усложняя аппарат союза, неизбежно вело к тому, что союзы все в большей и большей степени переходили на содержание государства. Из этого вытекала необходимость концентрации финансирования, сосредоточения всех финансовых средств в высших союзных органах (ВЦСПС) и сперва финансовая, а потом вытекающая отсюда полная организационная зависимость профессиональных организаций, отдельных всероссийских об'единений от соответствующих межсоюзных органов, и курс на постепенное превращение профессиональных союзов и их всероссийских об'единений в секции при межсоюзных об'единениях“.

„Эта общая линия, безусловно принципиально правильная в перспективе того развития и того пути, по которому до сих пор шли профессиональные союзы, является безусловно непригодной к тем конкретным задачам, которые в данный момент стоят перед профессиональными союзами. Для того, чтобы профсоюзы сумели успешно выполнить стоящие перед нами задачи, требуется большая чуткость к настроениям об'единяемых ими масс, знание бытовых повседневных условий их труда. Политика полного обезличения союзов отдельных отраслей промышленности, входящих в союз, при данных условиях, очевидно, непригодна“ (там же, п.п. 22 и 23).

В каком направлении должна была измениться политика, мы увидим из следующего постановления Пленума:

„Соответственно с изменением задач меняется общая политика профсоюзов в области организационного вопроса, в сторону предоставления большей самостоятельности, инициативы и самодеятельности отдельным профорганизациям, сверху до низу. Мелочная опека высших союзных органов и политика, стремящаяся зажать каждую профессиональную организацию в тиски циркулярных распоряжений сверху, предусматривающих и предопределяющих все формы и виды союзной деятельности во всякий момент их существования, должна быть отменена“ (там же, п. 20).

Эта общая линия, данная Пленумом, особо резко сказалась в крутом повороте в области финансовой политики союзов. Здесь Пленум, давая краткую, но решительную директиву, фактически производил резкий перелом по всей линии союзных взаимоотношений,—перелом системы, методов работы вплоть до самых деталей союзной жизни. Это постановление гласит:

„Нужно с полной ясностью осознать, что при существующем положении, когда от союзов отпадает целый ряд функций государственной власти, профсоюзы должны от политики существования, главным образом, за счет государства, перейти к новой союзной финансовой политике,—к существованию исключительно на членские взносы. Это потребует экономии, точности и аккуратности в расходовании союзных финансов и в выполнении нижестоящими союзными организациями своих финансовых обязанностей в отшении к вышестоящим союзным органам“ (там же, п. 27).

Первое, что вытекало из этого постановления, это—*большая независимость местных организаций от центров* и не только в финансовом вопросе, а и по всей линии повседневной практической работы, и затем—*большая зависимость союзных органов от массы членов.*

Из системы исключительного существования на членские взносы вытекает следующий порядок финансовых взаимоотношений: зависимость низших союзных органов от массы членов (особенно, при системе добровольного членства), зависимость высших организаций от низших, живущих исключительно за счет установленных процентных отчислений от поступлений членских взносов в низшие организации. При таких обстоятельствах, когда основная база зависимости проходит по нисходящей линии союзных организаций, финансирование из центра сверху вниз падает,—взаимоотношения в области финансов изменяются в обратном порядке:—финансовая зависимость сверху вниз заменяет финансовую зависимость снизу

вверх. В постановлении Пленума по этому вопросу мы видим первый шаг в данном направлении.

„Из общей суммы всех поступлений данной губернии или района (регулярных и вступительных членских взносов) Губотделы направляют: 10%—губпрофсовету, 40%—Ц. К. своего производственного союза, остальные 50% расходуются по утвержденной Ц. К. смете. Все суммы, превышающие шестикратную ежемесячную смету губотдела направляются в Ц. К. соответствующего союза“ (там же, тезисы по организ. вопросу, п. 43).

А это, в отличие от предыдущих взаимоотношений, означает, что, независимо от сметы, высшие органы получают лишь следуемые им, установленные процентные отчисления. При таких условиях, сохраняющийся порядок утверждения сметы соответствующим высшим органом приобретает характер, на самом деле, лишь *контролирования порядка и направления общей деятельности союзных организаций*, ибо утверждение или неутверждение сметы не находится ни в какой зависимости от количества находящихся в распоряжении данного союзного органа средств. Количество и размер средств определяются совершенно другим фактором: правильностью поступления членских взносов в низовые организации и правильностью и регулярностью отчислений низших органов в соответствующие высшие, что, в свою очередь, с необходимостью, в ближайшем же будущем должно привести *к усилению отчетности финансовой (и не только этой) деятельности высших органов перед низшими, а низших перед массами.*

В вопросе о членстве, как мы видели, небольшие, на первый взгляд, как бы технические отклонения, допущенные III С‘ездом (см. выше) в его постановлении, санкционирующем удержание членских взносов заводоуправлениями по постановлению местных союзных органов, на самом деле, на практике, привели к полному противоречию с принципом коллективного членства, признанным II С‘ездом Профессиональных Союзов, основанным на добровольно признаваемой каждым работником пролетарской десциплине, т.-е. на подчинении меньшинства—воле и интересам большинства. Этот уклон довольно ярко отмечает резолюция II Пленума ВЦСПС:

„Идя по линии упрощения системы сбора членских взносов и стремясь охватить в рамки союзной организации поголовно всех трудящихся, союзы, в значительной мере, уклонились от принципиально правильной системы коллективного членства на основе пролетарской дисциплины, превратив коллективную, обязательную для

меньшинства, волю (большинства. М. Т.) фактически в государственно-обязательное отчисление с каждого рабочего установленного членского взноса" (там же, „Задачи Союзов", п. 30).

Здесь, на этом примере, мы наиболее ярко можем видеть, *как принципиально правильное положение о коллективном членстве, осуществляемое неправильными методами, привело к извращению самого принципа*. Здесь, под влиянием подобного „упрощения", мы видим, как *обязательное*, в силу пролетарской дисциплины, членство превратилось в фактически государственно принудительное отчисление, ибо упрощение пошло гораздо дальше техники сборов членского взноса.

При отсутствии сил и при обеспеченности финансов, частью благодаря взиманию членского взноса через контору—„по постановлению союзного органа"—а все союзные органы не замедлили такие постановления вынести—частью в силу системы сметного существования,—у союзов не было побудительного стимула для проведения агитационно-пропагандистской подготовки общих собраний перед организацией голосований о членстве.

И таким образом, в результате подобных упрощений, воля большинства членов данного предприятия, обязательная для меньшинства, незаметно была подменена—„постановлением соответствующего союзного органа". Даже в тех случаях, когда собрания рабочих данного предприятия организовались и постановления о коллективном членстве проводились через них,—отсутствие в этот период на этих собраниях отчетов союзных органов и периодической постановки вопроса о членстве на повторные, периодические переголосования общего собрания,—приводили к тому, что однажды состоявшееся постановление частью членов союза забывалось, а вновь поступающие рабочие, совершенно не зная о нем, воспринимали производимое отчисление, как нечто предписанное сверху и ни в какой степени от их личной воли независящее.

Конечно, это не способствовало установлению крепкой связи между рядовыми и союзными органами. В данном случае обязательность, в силу пролетарской дисциплины, превращаемая в принудительность, является очевидным извращением принципа, а как метод связи с массой является неправильным и вредным, исходя из чего II Пленум и постановляет:

„В настоящий момент, когда перед союзами стоят задачи, которые могут быть выполнены лишь при условии крепкой спайки между каждым членом союза и его органами, следует неуклонно

стремиться к восстановлению в полной чистоте порядка добровольного членства" (там же, п. 31).

Здесь нам придется в нескольких словах коснуться неоднократно вызывавшего возражения выражения: „добровольное членство". Эти возражения можно свести, в основном, к двум: 1—формальное оспаривание термина и 2—возражение по существу. Возражение первое сводится к указанию, что, так как у нас никогда не было формального принудительного членства (об этом же пишем и мы. См. первую часть данной работы), то неправильно выдвигать как нечто новое принцип добровольности членства. Но мы видим на опыте, как принципиально правильное положение, формально исключающее принудительность, фактически привело к ней. Быть может, самый термин „добровольное членство" в данном случае недостаточно точен, но он верно *выражает противопоставление методов осуществления членства*, а так как другого более точного и верного термина никто не предложил, то и пришлось в дальнейшем пользоваться вышеприведенным.

Второе возражение—уже более существенно: наши критики говорят, что рабочие организации, отстаивая интересы всех рабочих, должны стремиться к тому, чтобы тяготы не только самой борьбы, но и материального содержания самих организаций, падали на всех рабочих, а не только на наиболее сознательную их часть; поэтому профессиональные союзы должны всеми мерами влиять на то, чтобы поголовно все работающие входили в союз, подчинялись его дисциплине и равномерно несли неизбежные налоги,—на его содержание. Далее наши оппоненты указывали, что выпячивание права добровольности является как бы отрицанием права профессиональных союзов оказывать давление на неорганизованные элементы (путем замены работающих не-членов союза членами и т. д.) для вовлечения их этим в союз.

Но, выставляя принцип добровольности, мы вовсе не отождествляем его с пассивностью союза в отношении к не-членам—долг союза попрежнему, путем неустанной работы, главным образом, агитационно пропагандистского характера, раз'яснять еще неорганизованным массам необходимость союза и вступления в него каждого рабочего, в то же время не отказываясь и от некоторого экономического давления. Пленум ВЦСПС считался с трудностью крутого перелома, что и сказалось в осторожности его оговорки к вышецитированному постановлению:

„Но самый подход к осуществлению этой задачи не может быть проведен быстро, по-военному. Его решение требует целого ряда промежуточных мероприятий, в совокупности дающих систему добровольного членского взноса.

Несомненно, что для ближайшего периода для большинства союзов нам придется остановиться на системе коллективного взимания членских взносов, собираемых завкомом через заводоуправления".

„Одновременно следует поставить себе задачей проверку существующей системы коллективного членства. Массе членов, об'единяемой союзом в пределах каждого предприятия или учреждения, должно быть предоставлено право свободно выразить свою волю в желании или нежелании вступить в союз. Следует решительно отвергнуть подмену воли большинства предприятия по вопросу о поголовном вступлении в союз постановлениями вышестоящих организаций, конференций фабзавкомов, губернских и всероссийских с'ездов данного союза и т. п." (там же, п. 31 и 32).

Пленум лишь предпринял ряд мер к восстановлению коллективного членства во всей его чистоте, борясь против обязательности, превратившейся в принудительность, что иллюстрируется следующим постановлением Пленума в резолюции по организационному вопросу

„Вступление в союз может быть как индивидуальное, так и коллективное. Коллективную форму вступления в союз следует понимать так: общее собрание работающих в данном предприятии абсолютным большинством голосов может обязать весь данный коллектив вступить в союз. Если этого требуют технические условия, голосование может быть произведено по отдельным частям данного предприятия или учреждения" (там же, „Тезисы по организационному вопросу", п. 4).

Что союзы не должны отказываться от права воздействия на неорганизованные массы, видно из второго абзаца вышеприводимого пункта резолюции по организационному вопросу:

„Не желающие подчиниться решению большинства о вступлении в союз или добровольно выбывшие из него, должны заменяться наличными безработными членами союза. Отделам труда предлагается в первую очередь направлять на работу безработных членов союза.

В коллективных договорах необходимо предусматривать преимущественный прием на работу безработных членов союзов.

Исключенные из состава союза не могут быть обратно приняты в какой-либо союз во время безработицы".

Таким образом, всякие подозрения в пассивности и опасения отказа союзов от своего права воздействия на неорганизованных вплоть до экономического давления являются явно неосновательными. Само коллективное членство нигде принципиально не осуждается. Больше того, Пленум говорит:

„В предприятиях, где не было квалифицированного большинства за вступление в союз, устанавливается индивидуальная запись, при этом организационные успехи союза должны измеряться количеством предприятий, где квалифицированное большинство работников высказалось за коллективное вступление в союз“ (там же, п. 5).

Правда, в этих выдержках, говорящих о коллективном членстве, видны следы борьбы за старые методы, а вся резолюция в целом носит как бы компромиссный характер. Эта борьба имелась налицо и известная часть членов Пленума робела перед резкостью поворота, высказывая опасения, что вместе „с водой можно выплеснуть и ребенка“. Мы видим, что Пленум большинством признав необходимость осторожности при проведении этого вопроса в жизнь, учитывал его трудность и сложность, а равно и невозможность быстрого приспособления союзного аппарата к новым методам взимания членских взносов. Больше того, резолюция по организационному вопросу говорит: „7. — Временно допустить сохранение взимания членских взносов через контору заводоуправления.“

И тут невольно зарождался вопрос: если коллективное членство остается и допускается взимание членского взноса через контору, хотя бы и временно, то не останется ли все по старому? Конечно, такая опасность могла быть, если бы не было целого ряда оговорок (см. выше), в числе которых пункт 6-й резолюции по организационному вопросу гласил: „По требованию 1/10 работников предприятия или учреждения членов союзов, должен быть на общем собрании пересмотрен вопрос о коллективном вхождении в союз“.

Если мы примем во внимание существовавший тогда в некоторых слоях профессионалистов слишком боязливый подход к реформе, именно в вопросе добровольного членства, как наиболее труднейшем и практически сложнейшем вопросе, некоторый скептицизм относительно возможности проведения этого принципа в жизнь, то будет понятно, почему так подчеркнут, „выпячен“ вопрос о добровольности — это была необходимая реакция против некоторых проявлений консерватизма, когда лучше было перегнуть (к сожалению, еще и теперь приходится наблюдать неко-

торые отрыжки этого консерватизма, еще и теперь приходится умышленно заострять некоторые вопросы в борьбе с ним) палку в другую сторону, дабы сдвинуть союзы с привычной, удобной, проторенной дорожки. Но, несмотря на следы некоторого компромисса в этом вопросе, общее направление его было предрешено Пленумом в пункте 8-м той же резолюции:

„По мере фактического перехода союзов на новые принципы работы и усвоения членами союзов необходимости, в целях защиты своих материальных и культурных интересов, вступления в союз, следует немедленно перейти на индивидуальную уплату членских взносов в соответствующий союзный орган через свой завком или делегатов. Этот переход нужно начать с отдельных предприятий или районов, об'единяемых наиболее крепко организованными союзами".

Чтобы окончательно избавить от недоумения тех, у кого оно еще—в отношении добровольного членства—осталось, в особенности относительно индивидуального добровольного членства, мы считаем необходимым, на основании приведенных выдержек и всего вышеизложенного, раз'яснить, что *для нас индивидуальное добровольное членство является не принципом, а наиболее целесообразным, в данный момент, методом организационной работы союзов, целью которого является оздоровление и укрепление связи между массой членов и союзными органами.*

Из факта появления на арене общественной экономики частного капитала и из усвоения линии, направленной к переводу всей госпромышленности на коммерческий расчет, вытекала возможность, и даже неизбежность для союзов, в отдельных случаях, применения стачки, как метода борьбы. Признав стачку, как метод борьбы за улучшение экономичелкого положения рабочих и служащих, в данный период целесообразной, Пленум, однако, должен был, признавая неизбежность ее в отдельных случаях, заранее подготовить к подобным случаям свой аппарат, кадры членов союзов и необходимые средства.

Несомненно, что, в связи с развитием товарных отношений и возможностью обостренной борьбы с частным капиталом, вопрос о социальном составе членов союзов приобретает чрезвычайно важное и новое значение по сравнению с 1920—21 годами. Борьба требует безусловного единства действий, концентрации сил и средств. Единство действий мыслимо лишь при наличии безусловного единства, одинаковости экономических интересов. Всякая трещина, ма-

лейшее противоречие и диссонанс в области экономических интересов и даже степень разности экономической заинтересованности отдельных групп союза, хотя бы при сравнительной незначительности таковых, может парализовать не только борьбу, но и работу всего союза. Поэтому, при наличии отклонений в вопросе об отношении профессиональных союзов к кустарям, допущенных III и IV С'ездами, этот вопрос приобретал для II Пленума ВЦСПС первостепенное значение. Маленький компромисс в вопросе о кустарях, допущенный III С'ездом при расширительном толковании под влиянием „практической необходимость", создал предпосылки к **большему** компромиссу на IV С'езде, а все это вместе взятое — создало чрезвычайную засоренность к 1922 г. значительной части наших союзов т. н. „полупролетарскими элементами". Но если это правильно, то равно правильно и то, что это — полумелкобуржуазные элементы, которые в обстановке товарных отношений будут и должны стремиться к превращению в элементы чисто буржуазные.

Такова логика развития товарных отношений, определяющих „сознание", т. е. психику всякого, хотя бы и самого карликового хозяйства.

„Принимая на себя защиту интересов рабочих, как продавцов рабочей силы, профессиональные союзы одновременно перестраивают свои ряды для возможно предстоящих в ближайшее время горячих битв с частным капиталом. Этим определяется социальный состав профессиональных союзов.

Если раньше профессиональные союзы, включая в свой состав самостоятельных мелких производителей и кустарей, оговаривали это включение тем, что включали лишь работающих по заданиям государства и под контролем союза, то теперь, в данный момент, „государственный кустарь", как разновидность мелкого производителя, теряет всякий смысл и значение. В обстановке развивающегося рынка и перехода самих государственных предприятий на систему коммерческого расчета окончательно стирается грань между различного типа кустарями, и мелкий собственник товаропроизводитель является собственником орудий производства со своеобразными экономическими интересами, стремлениями и психикой, резко отделяющими его от наемного рабочего и служащего.

Профессиональные союзы смогут выполнять стоящую перед ними важнейшую задачу организации своего класса на почве экономических интересов, лишь оставаясь организациями наемных ра-

бочих. Под этим углом зрения соответственно должен быть пересмотрен и устав союзов (там же, „Задачи союзов“, п. 25).

Таким образом, мы в этом вопросе видим, как, под влиянием экономических изменений, произошло как бы некоторое движение по кругу с возвратом к первоначальному положению, установленному II С‘ездом Профессиональных Союзов.

Несколько особо стоит вопрос об особых фондах, впервые всплывший перед профессиональными союзами и после II С‘езда. Мы уже выше говорили о тех мотивах, которые диктовали II С‘езду отмену стачечных, а следом за ними и вообще фондов специального назначения. За три истекших года, со времени II С‘езда, Советская власть чрезвычайно окрепла. Саботаж – отошел в область истории, а вместе с ним и опасение, что в отдельных союзах тот или иной фонд может быть использован на борьбу против диктатуры пролетариата. Но лишь при новом курсе профессионального движения можно было хотя бы поставить, как задачу, вопрос о создании фондов, ибо в обстановке военного коммунизма, при натуральной форме заработной платы и системе финансирования союзов из центра по сметной системе, не могло быть и речи о создании каких-либо фондов. При единой централизованной кассе, финансирующей все остальные организации в пределах, устанавливаемых центром, смет, единственная мыслимая форма создания таковых фондов могла быть лишь при этой централизованной кассе. Но в этом не ощущалась необходимость и поэтому вопрос об этом ни разу не подымался. Лишь при наличии финансовой самостоятельности отдельных организаций (центральных или местных, безразлично) мыслимо создание фондов особого назначения. Поэтому и вопрос о фондах впервые встает на II Пленуме ВЦСПС, определившем перемену общего курса профессионального движения. Особенно крутой перелом II Пленума произвел в области финансовой политики союзов. Несмотря на то, что для русских союзов вопрос о фондах и формах их организации являлся по существу новым, и мы напрасно стали бы искать что-либо конкретное по этому вопросу в резолюциях всех предшествующих с‘ездов и конференций, II Пленум ВЦСПС, в общем и целом, правильно наметил основные вехи деятельности союзов в этом вопросе, хотя он и был весьма слабо подготовлен, а потому и не подвергся достаточно детальному обсуждению на самом Пленуме. Однако, несмотря на общую, правильно намеченную линию, в силу недостаточной подготовки настоящего вопроса и, как мы увидим ниже—

допущенной ошибки, при полной неопытности профессиональных союзов в этом вопросе, это привело сперва на практике, а потом и в теории, к некоторой путанице и к ряду противоречий.

Придавая этому вопросу чрезвычайную практическую важность в настоящий момент, ибо неясность его привела к ряду недопустимых ошибок, необходимо остановиться, хотя бы и бегло, на роли и значении фондов в общей и, особенно, в финансовой деятельности союзов.

В интересах подведения твердого финансового базиса под особо-важные отрасли союзной деятельности, имеющие специальный характер (культурно-просветительная деятельность, помощь членам, стачечная борьба, безработица и т. п.) обыкновенно создают особые фонды. Если мы внимательно вглядимся в эти отрасли союзной деятельности,—мы заметим в них некую общую, характерную для них и свойственную, главным образом, им черту, которая заключается в том, что *размах данной работы, ее успех и интенсивность зависят по преимуществу от количества* затрачиваемых на каждую из них *средств*.

В самом деле. Высота стачечного пособия, а, следовательно, продолжительность и успех самой стачки целиком зависят от тех средств, которыми располагает союз. При неограниченных средствах (на практике невозможная комбинация) союз, выдавая полный заработок стачечникам, может сделать стачку почти непобедимой. Культурно-просветительная деятельность ограничивается лишь финансовыми возможностями, то же самое и в отношении союзной помощи (дорожной, безработица, несчастье и т. д.), ибо и здесь масштаб деятельности целиком определяется размером имеющихся дль этой цели средств. Это имеет определяющее значение для организации фондов.

Если размах деятельности каждой из данных отраслей союзной работы зависит лишь от имеющихся на это средств, то общий бюджет, имеющий весьма ограниченный размер, требует точного ограничения размаха подобных видов работы *путем определения отпускаемых для этой цели средств*. С этой целью устанавливается строго определенный $^0/_0$ необходимого по различным статьям расхода, в том числе и на фонды: стачечный, культурно-просветительный и т. д.

Таким образом, организация фондов носит регулирующий, плановой, характер союзной финансовой политики. *Фонды образуются в основной и главной части из $^0/_0$ отчислений от общих союзных доходов, предназначенных сообразно общего плана союзной*

деятельности на данный, более или менее продолжительный период—на данную, специальную союзную работу.

Характер этих видов работы (установление твердых норм пособий, организация культурно просветительных учреждений и т. д.) *требует* устойчивости их финансов на относительно длительный период, как фактора, определяющего всю совокупность их работы. Отсюда: *неприкосновенность фондов*, запрещение расходовать фонды на другие цели. Главным, почти единственным источником общесоюзных доходов является членский взнос. Таким образом, *необходимой предпосылкой к системе финансовой политики, т. е. к обеспечению специальных отраслей союзной работы, является твердый бюджет союза, покоящийся на твердо известных цифрах количества членов союза и общей суммы получаемых членских взносов.* Увеличение количества членов и доходов дает остатки по всем статьям союзных расходов,—кроме специальных, переведенных на фондовый бюджет, *который* механически повышается—*которые зачисляются в запасный капитал*, при чем целью образования последнего является *страхование союзного бюджета от потрясений, связанных* с отливом членов союза и с непредвиденными убытками.

К сожалению, приходится признать, что в настоящий момент подобных предпосылок к переходу на правильно-поставленную систему обеспечения специальных видов деятельности союзов посредством фондов—нет; поэтому излишняя поспешность в образовании фондов, без наличия необходимых к тому предпосылок, и повела к путанице на практике, а непродуманность этого вопроса—к ошибкам в резолюциях II-го Пленума (а также и V С'езда), что лишь усугубило эту путаницу.

Однако, самые необходимые положения, именно вехи, данные III Пленумом в вопросе о фондах, в основном правильны. Эти постановления гласят: „Кассы фондов должны быть сосредоточены исключительно при Губотделах и ЦК производственных об'единений. Отступление от правила допускается постановлением ЦК, по соглашению с Губпрофсоветами или с санкции ВЦСПС" (там же, п. 54).

„В настоящих условиях следует признать возможным организацию из двух видов (фондов. М. Т.): стачечного и взаимопомощи" (там же, п. 55).

Мы видим здесь первую ошибку, явившуюся результатом недостаточно отчетливого понимания значения фондов и их места и роли в общей финансовой политике профессиональных союзов.

Эта ошибка заключается в допущенном для фонда взаимопомощи „отступлении“, т. е. почти в полном приравнении его к фонду стачечному.

Отличительной чертой стачечного фонда является его боевой характер. *Регулируя и распоряжаясь стачечным фондом, руководящий орган централизованного союза фактически регулирует всю стачечную борьбу, а, следовательно, и всю экономическую политику* (включая и зарплату) союза. Централизация стачечного фонда есть одна из необходимых предпосылок правильного руководства всей союзной тактикой.

Децентрализация его ведет к внесению в главнейшую работу союза элемента случайности, „настроений“ и партизанщины.

Фонд помощи членам союза расходуется на индивидуальные нужды членов союза, могущие быть учтенными лишь местной организацией, лицами, знающими нуждающегося, степень, причины нуждаемости и т. д. Централизация *всего* фонда поэтому прямая бессмыслица. От местных фондов помощи (или, как у нас называют, „фондов взаимопомощи“) может отчисляться в центральный фонд *лишь определенный* небольшой процент (примерно 5%), являющийся как бы страховым фондом местных организаций, из которого центр помогает им в случаях постигшего данную местность и членов союза массового несчастья, при котором местными средствами не справиться (пожар, наводнение, случайная локальная безработица и т. п.). В свою очередь, само собою разумеется, что подобный центральный (но не централизованный) фонд взаимопомощи может расходоваться лишь на помощь местным организациям и именно на эти цели.

Остановившись так подробно на этом вопросе, мы, в дальнейшем, не будем останавливаться на раз'яснении тех или иных отклонений, допущенных в этой области постановлениями высших союзных органов и практикой союзной работы, ограничившись лишь кратким указанием на таковые.

В дальнейшем мы увидим, что потребовалось много опыта и много времени для того, чтобы исправить эту, на первый взгляд, как будто незаметную ошибку. В отношении же стачечного фонда, Пленум взял безусловно верную линию.

„Стачечный фонд образуется из союзных средств. Размер, порядок образования и расходования определяются инструкцией соответствующего Ц. К.“ (там же, п. 56).

„Распоряжение наличным стачечным фондом принадлежит лишь Губернскому С'езду или конференции производственного союза, правлению Губотдела—с санкции Губпрофсовета или Ц. К. Союза“ (там же, п. 57).

„За центральным комитетом остается верховное право распоряжения всем стачечным фондом. В случае необходимости Ц. К. имеет право снимать часть фондов с одних районов, пополняя фонды других. Стачечный фонд не может быть израсходован ни на какие другие нужды; наблюдение за этим возлагается на ВЦСПС“ (там-же, п. 58).

Хотя в дальнейшем теоретическое обоснование необходимости централизации стачечного фонда по вертикальной линии дано лишь V Всероссийским С'ездом, и несмотря на то, что в данном постановлении видна уступка межсоюзным организациям, с одной стороны, и практической необходимости, с другой (ибо перейти круто сразу к созданию централизованных стачечных фондов во всероссийском масштабе представлялось неосуществимым в ближайший момент), все-же основной принцип необходимости централизации стачечного фонда по вертикали был намечен достаточно ясно и правильно, что в дальнейшем само по себе логически приводило к перенесению центра тяжести во всей организационной работе союзов с горизонтальных организаций (межсоюзных) на вертикальные (Ц. К. Союзов). А равным образом является правильным положение: „Фонд взаимопомощи образуется при Губотделах или отделениях союза и является местным территориальным фондом“ (там же, п. 60).

Зато безусловной ошибкой, как мы видим теперь, являлся п. 59.

Фонд взаимопомощи (безработным, дорожная помощь, возвратная и безвозвратная ссуда) образуется исключительно из добровольных взносов и отчислений членов союза, а равно и специальных поступлений.

В дальнейшем, это понимание фонда взаимопомощи как фонда, создаваемого исключительно из добровольных взносов и отчислений и т. п., повело к смешению его с кассами взаимопомощи и к бесконечной путанице в этом, весьма важном вопросе.

Таким образом, мы видим, что II Пленум ВЦСПС произвел крутой поворот в общей политике союзов, решительно изменив в то же время их организационную деятельность и методы работ.

При этом, характерной особенностью данного поворота является то, что Пленум не ограничивается декларативными призывами, но выносит определенную конкретную программу деятельности союзов, закрепляя ее организационными мероприятиями.

В общем и целом, II Пленум предопределил целый ряд конкретных постановлений, перенесение центра тяжести союзного руководства и строительства с горизонтальных на вертикальные союзные организации. И если влияние идейной борьбы между Губпрофсоветами и Ц. К.—с одной стороны, и чрезвычайная широта, разнообразие и сложность вопросов, стоявших перед II Пленумом—с другой, не дали ему возможности сосредоточиться на теоретическом обосновании этого поворота, если местами в его постановлениях по организационному вопросу были те или иные погрешности, то все-же несколько позже его постановления, принятые за основу, были исправлены и дополнены V С'ездом Профессиональных Союзов.

V. Принципы организационного строительства профессиональных союзов: V С'езд.

II, Февральский, Пленум ВЦСПС (1922 г.) дал в общем и целом настолько полную и исчерпывающую программу деятельности профессиональных союзов в новых условиях, что задачей собравшегося в сентябре того же года V С'езда являлось лишь дальнейшее углубление и конкретизация, на основе учета опыта истекшего, довольно краткого периода, тех положений, которые уже дал Февральский Пленум. Так понимал свои задачи и сам V С'езд, что видно из следующего постановления:

„На основе учета опыта работы профессиональных союзов в новых условиях, подтверждая правильность общей принципиальной линии и программы практической деятельности, данной последним пленумом ВЦСПС, С'езд считает, что основной задачей всей работы профессиональных союзов ближайшего момента является конкретизация и практическое осуществление тех положений, которые даны февральским пленумом ВЦСПС и настоящим V-м с'ездом". („Стенографический отчет V Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов". Изд. РИО ВЦСПС. Москва, 1922. Резолюция „Об итогах и перспективах профессионального движения", п. 15).

Но этот пункт резолюции об итогах и перспективах, помимо признания правильности линии, данной II Пленумом, содержит и еще одну чрезвычайно важную мысль, а именно, что *задачи союзов на ближайший период заключаются не в искании новых принципов, не в расширении их*, а *в практическом осуществлении того, что уже дано.* Как ни проста и элементарна эта мысль, однако, как показала последующая практика, она была чрезвычайно жизненна, и необходим был авторитет С'езда, чтобы дать ее, как директиву для руководства деятельностью всех профессиональных организаций.

Больше того,— опыт же показал, что даже это постановление V С'езда и неуклонное проведение его со стороны ВЦСПС не предохранило отдельные профессиональные организации и их руководителей (правда, как редкое явление) от попыток расширить круг задач профессиональных союзов, а тем самым—распылить силы и рассеять их внимание и энергию на много, быть может, и очень важных, но в данный период перестройки всех организаций, безусловно неосуществимых задач; этот лозунг явился предохранением против переоценки своих сил и организационной маниловщины.

Углубляя основные принципы, данные II Пленумом, V Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов так определяет организационные задачи профессиональных союзов.

„Организационное строение профессиональных союзов определяется общими задачами профсоюзов, вытекающими из конкретной обстановки, в которой находится рабочий класс. Данная экономическая обстановка поставила перед союзами во весь рост защиту экономических интересов своих членов, требующую от союзов чуткого и внимательного изучения положения и нужд рабочих каждого предприятия, дабы, согласуя таковые с интересами пролетариата, как класса в целом, правильно формулировать мероприятия, могущие улучшить их положение" (там же, „Организ. вопрос", п. I).

Углубляя и обосновывая это положение, V С'езд говорит:

„Развивающийся рынок в различной степени оказывает влияние не только на различные виды народного хозяйства, но и на различные отрасли промышленности и создает, в свою очередь, для профессиональных союзов, в зависимости от экономического положения той отрасли народного хозяйства, работников которой они об'единяют (или роли и характера деятельности данного госучреждения), необходимость разнообразных форм и методов в осуществление защиты экономических интересов своих членов и улучшения их положения.

Это, в свою очередь, влечет за собой необходимость относительного своеобразия организационных форм и структуры союзных органов, в зависимости от роли в общегосударственной экономике и характера деятельности работников, об'единяемых данным союзом.

Но это своеобразие ни в коем случае не может нарушать основного принципа строительства профессиональных союзов

по производству, а равно выливаться в дробление крупных профессиональных об'единений на мелкие, слабые союзы" (там же, „Об итогах и перспективах", п. 2 и 3).

Здесь мы видим, что в новых условиях С'езд считает необходимым выяснение и выявление характерных особенностей отдельных союзов, охватывающих ту или иную отрасль производства. Больше того. Это, в свою очередь, ведет к дальнейшему углублению и теоретическому обоснованию необходимости перенесения центра тяжести в организационной работе с горизонтальных организаций на вертикальные, что мы и видим из следующего постановления С'езда:

„Разность влияния Нэп'а на отдельные союзы и вытекающее отсюда разнообразие в общей тактике профессиональных союзов в деле защиты интересов своих членов требует *централизации* общего союзного руководства, особенно в вопросах политики заработной платы и финансов, по линии всероссийских профессиональных об'единений" (там же, п. 4).

Однако, эта,—безусловно правильная,—линия не получила необходимого отчетливого закрепления и ясной, исключающей всякие сомнения формулировки, вследствие натиска представителей межсоюзных организаций. И все же, дальнейшая практика показала, что, несмотря на это сопротивление,—рост влияния и укрепление вертикальных организаций (Всерос. ЦК) неуклонно продолжают расти. Вступив на путь централизации движения по вертикальной линии, предоставляя право, в пределах производственного принципа, всероссийским об'единениям изыскивать и осуществлять на практике наиболее целесообразные формы построения своих организаций в соответствии с характерными особенностями и своеобразием данного союза, V Всероссийский С'езд фактически передал организационное руководство союзными организациями из рук межсоюзных органов в руки ЦК.

С'езд, фиксируя внимание союзов и сосредоточивая его, главным образом, на области практической работы, в то же время пошел по пути концентрации своих сил, средств и организационного внимания на главных позициях рабочего движения, промышленных центрах. По этому поводу С'езд говорит:

„Российское об'единение, организуя в своих рядах всех лиц, занятых по найму, не может забывать, что авангардом рабочего движения являют, главным образом, промышленные

рабочие. В соответствии с этим, как общеэкономическая политика союзов должна быть направлена на укрепление и развитие крупной промышленности, так равно и главное внимание в области организационной должно быть на ближайший период направлено в сторону укрепления профессионального движения в городах и промышленных округах" (там же, п. 8).

Конкретизация и организационное закрепление этого общего положения видны из следующих двух выдержек из резолюции С'езда:

„Считая целесообразным ликвидацию межсоюзных секретариатов и замену упрофбюро уполномоченными в местностях с незначительным количеством членов, необходимо для об'единения единичных членов союза, распыленных по сельским местечкам, а равно для придания большей силы мелким группам членов различных союзов, об'единение их в местные союзные ячейки" (там же, „Организационный вопрос", п. 22).

Таким образом, мы видим, что организационное движение союзов возвращается обратно от полупролетарских элементов к чисто пролетарским (вопрос о кустарях, база—промышленный пролетариат) и от деревни—обратно к промышленным центрам.

Учитывая трудность и огромное значение стоящих перед ними задач, союзы приступают к концентрации своих сил и средств в главных узловых пунктах рабочего движения, временно отступая от деревни, но мы уверены, что, перестроившись и усилившись, союзы вновь пойдут в нее, найдя наиболее удобные методы подчинения деревни влиянию промышленного пролетариата.

В вопросе о членстве V Всероссийский С'езд, идя по пути принципа добровольного членства, данного II Пленумом, ставит в дальнейшем задачей союзов разрешение и углубление этого метода в следующем своем постановлении:

„Задачи, стоящие в данный момент перед союзами, могут быть выполнены лишь при большей спайке членов союза со своим союзом. Лучшей формой такой связи является индивидуальное членство, которое следует неуклонно проводить в жизнь. Признавая единственно правильным способом зачисления в союз—индивидуальное членство, необходимо усилить агитационную работу среди отсталых слоев пролетариата" (там же, п. 6).

Из этого мы видим, что V С'езд Профессиональных Союзов рассматривает добровольное *индивидуальное членство не как*

новый принцип, а как наиболее целесообразную систему связи с массой. Эта мысль повторяется и в дальнейшем, в пункте 36 той же резолюции: „лучшей формой связи является персональное получение членских взносов, производимое через фабзавкомы или уполномоченных“.

В чем преимущество индивидуального членского взноса, как формы связи органов союза с массой своих членов—перед системой коллективного членства и взноса его через контору, мы уже говорили выше. К сказанному следует добавить, что при отсутствии организационных навыков и традиций, которыми так богато западно-европейское профессиональное движение—у русского рабочего наблюдается (да и не только у рабочего) чрезвычайно небрежное отношение к своим обязанностям, вытекающим из принадлежности его к той или другой организации и, особенно, в отношении финансовых обязательств.

С первых шагов профессионального движения в России, своеобразной чертой русского рабочего была чрезвычайно великодушная готовность щедро жертвовать (путем подписок, отчислений полудневного и дневного заработка, установления периодических отчислений со всех в пользу забастовок, локаутов и т. д.), но плохая „готовность“ платить свой обязательный членский взнос. Эти качества, являясь неоднократно чрезвычайно важным фактором в жизни и борьбе наших профессиональных организаций, в то же время вносили в их работу элемент случайности, ставя финансовую политику союзов, а тем самым и всю их деятельность, в зависимость от настроений масс и лишая всю союзную деятельность в области финансов необходимой систематичности и планомерности. Это, в свою очередь, вело к халатному отношению со стороны руководителей союзов к внесению необходимого упорядочения, систематичности и планомерности в финансовую деятельность профессиональных организаций.

Не трудно заметить психологическую подоплеку и различие между готовностью жертвовать и нежеланием регулярно платить взнос. Отличительные черты жертвования (отчисления, подписка и т. д.) заключаются в том, что каждый отдельный рабочий действует „как все“, „как большинство“, т. е. до известной степени пассивно, с другой стороны, жертвование производится *на определенную*, благодаря агитации и пропаганде *понятную конкретную цель* (помощь бастующим и т. п.), т. е.

носит целевой характер. Нежелание платить членский взнос, или по-меньшей мере халатность в выполнении этой важнейшей союзной обязанности, *вытекает из недостаточно ясно осознанного значения роли союза и его задач,* из неясности назначения и необходимости этой материальной жертвы. Для того, чтобы приучить членов наших союзов регулярно и правильно платить членский взнос, *нужно развить в них сознание важности и необходимости этой жертвы,* а следовательно, *сделать задачу союза и всю практическую деятельность доступной и понятной пониманию каждого отдельного члена союза.* Это потребует от союзов не на словах, а на деле, практической связи с массой, на почве чуткого, отзывчивого отношения к нуждам и интересам своих членов, популяризации и пропаганды задач и деятельности союза среди них и, главное,—постановки регулярной и доступной для понимания каждого члена союза отчетности, как в общем, так, особенно, в финансовой деятельности союза. А так как С'езд говорит, что „источником средств существования профессиональных организаций должен быть членский взнос. Профессиональные организации не могут прибегать, в целях получения средств, к мероприятиям коммерческого характера, подрывающим авторитет организаций. Постановка систематического и своевременного получения членских взносов должна быть основной задачей финансовой деятельности союзов в данный момент" (там же, п. 34),—то профессиональные союзы тем самым принуждаются вести работу в этом направлении. *Поскольку членский взнос делается единственным источником существования профессиональных союзов и поскольку* получение его зависит от степени сознательности каждого члена союза, логика жизни *заставила союзы вести работу в направлении* развития сознательности своих членов, ведя общую работу в указанном выше направлении и таким образом проводя не на словах, а на деле линию на слияние органов союза с массами.

В отношении к нечленам союзов, V С'езд подтвердил линию, занятую II Пленумом, следующим постановлением:

„Об'единяя в своих рядах лучшие элементы рабочего класса, союзы все же не могут замыкаться в защите интересов только своих членов. Профессиональные союзы России всегда ставили своей основной задачей защиту интересов всех рабочих. Не подразделяя, при заключении коллективных договоров, соглашений и проч. рабочих на членов союза и нечленов, профессио-

нальные союзы тем не менее должны добиваться включения в коллективные договоры преимущественного права работы для членов союза" (там же, п. 12). И далее:

„Профессиональными союзами должен быть разработан и проведен через государственные органы ряд мероприятий, выделяющих члена союза над обывательской массой (в первую очередь—при поступлении на курсы, в школы, льготный вход по членской книжке в театры, сады и проч)" (там же, п. 6).

Этим постановлением V С'езд еще раз подтвердил, что профессиональные союзы обязаны одинаково защищать экономические интересы рабочих, независимо от того, члены они или нечлены союза. Добиваясь одинаковых условий труда и заработной платы для всех рабочих, профессиональные союзы в то же время оставляют за собой право преимущественного подбора на предприятиях, охватываемых коллективными договорами, организованных рабочих.

На первый взгляд, здесь как будто видимое противоречие,—с одной стороны—равенство в защите, с другой стороны—преимущественное право поступления на работу членов союза. На самом деле это только кажущееся противоречие, Как мы уже говорили в первой части нашей работы, профессиональные союзы, в интересах вовлечения неорганизованных рабочих в союз, в качестве классовых организаций пролетариата, защищающих его экономические интересы,—те улучшения экономического положения, которых они добиваются путем своей деятельности—распространяют не только на своих членов, но и на всех рабочих, независимо от того, члены они союза или нечлены. В то же самое время профессиональные союзы лишь при том условии смогут выполнить принимаемые ими на себя по коллективному договору обязательства, за *всех* рабочих данного предприятия, *если на этом предприятии работают сознательные организованные рабочие, члены союза*, выполняющие свои союзные обязательства и подчиняющиеся союзной дисциплине. Отсюда и вытекает вполне законное стремление профессиональных союзов к подбору на предприятии, если не исключительно, то преимущественно и главным образом рабочих, наиболее обеспечивающих союзу проведение в жизнь коллективного договора и выполнение принятых им на себя обязательств, т. е. подбора членов союза. Чтобы сделать для наиболее отсталых, неорганизованных рабочих очевидными и ясными экономические преимущества членства в союзе,

профессиональные союзы добиваются от государства и муниципалитетов различного рода льгот для своих членов, помимо той общей муниципальной политики, которую ведут профессиональные союзы в интересах всех рабочих.

Дав отчетливые директивы и формулировки по всем видам организационной работы союзов, V С'езд, однако, за отсутствием достаточного опыта, не уделил должного внимания вопросу о фондах и кассах взаимопомощи. И те противоречия в этих вопросах, которые вошли в резолюцию V Всероссийского С'езда, в ближайшее же время, весьма болезненно отразились в работе союзов в этом направлении и потребовали раз'яснения и подробной конкретизации этого вопроса одним из ближайших пленарных заседаний ВЦСПС. Определив и признав целесообразным четыре вида фондов:— стачечный, культурный, взаимопомощи и временный фонд помощи безработным,— С'езд дал безусловно правильные—определение и порядок расходования— лишь в отношении двух фондов: культурного и стачечного. Соответствующее постановление V С'езда гласит:

„Расходование средств стачечного фонда производится губотделом соответствующего союза по инструкции своего ЦК. За центральным комитетом остается верховное право распоряжения средствами фонда. В случае необходимости, ЦК имеет право снимать часть фонда с одних районов, пополняя фонд других. Стачечный фонд не может быть израсходован ни на какие нужды. Средства культурного фонда могут быть использованы на другие нужды лишь по постановлению с'ездов или конференций, с санкции соответствующей высшей профессиональной организации" (там же, п. 49).

Зато в вопросе об остальных фондах и особенно в отношении фонда взаимопомощи V С'езд повторил и усилил ошибку II Пленума следующим постановлением:

„50. Образование фондов или касс взаимопомощи допускается исключительно из взносов и отчислений членов союза, а равно и специальных поступлений. Союзы, по постановлению своих всероссийских с'ездов, имеют право создавать центральные фонды во всероссийском масштабе. При создании центрального фонда все местные фонды сливаются с единым фондом. Вполне допустима при существовании фонда взаимопомощи организация касс взаимопомощи".

В этом опять сказалось то неясное представление о значении фондов, о котором мы уже говорили выше. Но помимо того, повторяется и усугубляется ошибка, заключающаяся в полном смешении фонда взаимопомощи с кассой взаимопомощи, при чем совершенно неясен смысл и порядок существования „централизованного фонда“ взаимопомощи („или кассы“?), а равно порядок „отчисления“, его назначения и прав отчисляющих членов.

В самом деле. Если фонд взаимопомощи, образуемый исключительно из взносов и отчислений членов союза, есть то же, что и касса взаимопомощи, то для того, чтобы определить место подобного фонда в общей финансовой политике союза, необходимо определить, что же такое касса взаимопомощи. Если же это разного вида и назначения организации,—а это видно из того, что резолюция разрешает при существовании фондов взаимопомощи организацию и касс—то можно ли их смешать вместе и насколько целесообразно существование двух параллельных организаций, ставящих одинаковые цели (взаимопомощь) и оперирующих средствами, идущими из одного источника и в одинаковом порядке („взносы и отчисления членов союза“)?

Достаточно внимательно вчитаться в этот пункт резолюции об особых фондах, как мы увидим ряд непримиримых противоречий, одна из причин которых для нас уже ясна (см. выше)—неправильное представление о порядке образования, назначении и месте фондов, вообще, и фонде взаимопомощи,—в особенности.

Вторая причина ошибки заключается в неправильном представлении о роли и задачах—следовательно и структуре—касс взаимопомощи. Что такое касса взаимопомощи и каковы ее задачи? Касса взаимопомощи есть добровольное об‘единение лиц, занятых по найму (мы говорим о рабочей кассе взаимопомощи, хотя возможны организации с аналогичными задачами и в непролетарских слоях), связанных между собою совместным трудом в одном предприятии или в ряде таковых, территориально близко расположенных,—ставящее своей целью из средств, образуемых главным образом из вступительных и периодических взносов, в размерах, участниками данной кассы установленных, оказывать помощь своим членам в случаях их материальной нужды. Помощь может выражаться в ссуде на льготных условиях и в случаях, особо уставом предусмотренных,—безвозвратно как, например, в случае смерти участника кассы, его от‘езда и т.п.).

Таким образом, мы здесь видим особый вид экономической рабочей организации, близкой и сходной по своим задачам и формам в большей степени с кредитной кооперацией, чем с профессиональным союзом. Правда, история рабочего движения устанавливает преемственную связь между кассой взаимопомощи и профессиональным союзом, устанавливая, что многие кассы превратились в годы революции в профессиональные союзы, но это вызывалось теми же полицейскими условиями царской России, которые заставляли концентрировать в различные периоды рабочее движение то вокруг газеты („Луч" и „Правда"), то вокруг клубов (Петроград), то вокруг „общества общедоступных развлечений" (Москва), и т. д.

Естественно, что, при невозможности организовать профессиональный союз, передовые рабочие, стремясь к организации, шли в кассу взаимопомощи, используя ее и как базу партийной организации, и как профессиональный союз. Но это ни в какой степени не меняет характера кассы взаимопомощи, ибо нас интересует вопрос: не во что ее превращали (и можно превратить) под влиянием политических условий, а что она из себя представляет и каковы ее задачи?

А если наше определение задач кассы взаимопомощи правильно (а оно безусловно правильно), то мы видим, в какую чудовищную ошибку вырастает небрежность, допущенная нами по этому вопросу на II Пленуме и V С'езде.

Касса взаимопомощи не есть „особая форма рабочего движения", но есть несомненно особый вид экономической организации, самоуправляющейся, организующейся на основах установленного ее участниками устава, помогающая своим членам в пределах, самими членами установленных. Можно ли здесь говорить о централизации средств касс по чьему либо постановлению? Конечно нет, ибо подобное постановление и об'единение средств равносильно экспроприации рабочих грошей, собранных „про черный день". Возможно ли какое бы то ни было об'единение средств и координация деятельности касс? Возможно, но лишь путем согласия на то самих касс (и их участников), путем организации Бюро или Союза касс взаимопомощи, но вряд ли таковая целесообразна шире губернского масштаба.

Каковы взаимоотношения между кассой и союзом? В интересах единства экономического движения и обслуживания рабочих, а равным образом в интересах обеспечения выдержанного клас-

сового руководства деятельностью касс, дабы предохранить кассы от вырождения в коммерческие предприятия или расширения своих функций за счет профессиональных союзов, профессиональные союзы должны сохранить за собой право идейного руководства и контроля над их деятельностью. Для этой цели профессиональные союзы должны строить кассы взаимопомощи под союзным флагом, при союзе, однако, ни в каком случае не вмешиваясь в практическую деятельность касс, особенно в область их средств и их распределения.

Остается один вопрос, который является пока неясным для многих профессионалистов—входят-ли в кассу только члены союза или также и нечлены?

Задачи кассы взаимопомощи односторонни, просты, элементарны и доступны пониманию каждого, даже самого отсталого рабочего и работницы. В сравнении с профессиональным союзом касса является простейшей, низшей формой рабочей организации—это ее недостаток и это ее преимущество, ибо она может охватить и приучить к организации самые отсталые слои пролетариата, играя тем самым роль приготовительного класса „школы коммунизма"—профессионального союза. Можем ли мы от этого отказаться? Тысячу раз—нет! Эту положительную роль касс профессиональные союзы должны использовать и они уже используют ее согласно постановления III сессии Пленума ВЦСПС в 1923 г., впервые внесшего ясность в этот чрезвычайно запутанный вопрос. Ввиду чрезвычайной его важности, приводим наиболее существенную часть этого постановления, которое безусловно создает необходимый перелом в нашем отношении к кассам взаимопомощи и даже в вопросе о фондах.

„Касса является добровольной организацией, создаваемой членами союза для оказания устанавливаемых видов помощи. Вступление в кассу является делом каждого члена союза и происходит в порядке персональной записи. ВЦСПС признает безусловно недопустимым в какой бы то ни было форме проведение обязательного членства в кассе. Средства касс составляются из вступительных и членских взносов участников кассы. Руководит делами кассы правление, избираемое всеми участниками последней. Союз оставляет за собой право ревизий и контроля всех дел кассы".

Возникший в некоторых организациях вопрос о приеме в члены касс нечленов союза надо рассматривать исключительно

с точки зрения возможности привлечения в союз отсталой части пролетариата, до того времени по каким-либо причинам стоящей вне союза. Поэтому, вполне допустим прием в члены касс рабочих и служащих и нечленов союза.

Потребовался значительный промежуток времени для того, чтобы практика работы показала и вскрыла допущенную теоретическую ошибку. Для этого нужно было пройти через целый ряд болезненных практических ошибок, для этого потребовались длительные дискуссии, внимательная подготовка и основательные дебаты на самом III Пленуме ВЦСПС

Живая работа, чуткость к перебоям в механизме и вдумчивые поиски причин неудач помогали нашему профессиональному движению неоднократно, помогли и на этот раз исправить допущенную ошибку. Не вполне еще удовлетворительно обстоит вопрос с фондами—здесь еще не достигнута должная ясность, не преодолены остатки косности и организационного неряшества а отчасти и теоретической лени. Но и этот вопрос уже значительно двинут вперед и, несомненно, получит свое окончательное завершение на одном из ближайших пленумов или на предстоящем VI Всероссийском С'езде Профессиональных Союзов.

Мы не сомневаемся, что помимо этих ошибок нами допущен еще ряд других, пока еще незаметных. Но равным образом мы не сомневаемся и в том, что российское профессиональное движение, проявившее столь выдержанную классовую линию во всей своей деятельности и чрезвычайную организационную гибкость и жизнеспособность,—сумеет устранить все остающиеся еще недостатки, ибо в своем развитии мы идем с хорошим компасом в руках—имя же ему марксизм!

И если в данном случае, этот метод, примененный нами в данной работе, посвященной выяснению теории и практики организационного вопроса, поможет более молодым работникам осознать проходящие перед нами факты организационного опыта профессионального движения и тем самым поможет им в работе—мы будем удовлетворены!

6. **Н. Ауэрбах.** К. Маркс и профессиональные союзы. Перев. с немецкого С. Тюрберт.
7. **К. Цвинг.** Германские профсоюзы. Перев. с нем. с предисл. И. Левинсона.
8. **Дж. Кол.** Системы заработной платы. Перев. с английск. М. Розенфельд.
9. **Ф. Сенюшкин.** Фабзавкомы в России и их работа в современных условиях.
10. **А. Локшин.** Финансы союзов (теория и техника).
11. **Б. Козелев.** Русский хлеб в Руре.
12. **А. Чекин.** Индустриальные работники мира (2-е изд.).
13. **А. Чекин.** Очерки современного тред-юнионизма. Второе переработ. и дополн. изд.
14. **В. Бахметьев.** Указатель литературы для фундаментальных и рабочих библиотек.

„РАБОЧАЯ БИБЛИОТЕКА"

Физкультура № 1.

Материалы по физкультуре и Атлетические игры.

Физкультура № 2.

Ручной мяч.

Готовятся к печати:

1. **М. Брискин.** Союзы и их организация в новых условиях.
2. **И. Резников.** Теория и практика коллективных договоров.
3. **В. Львов-Рогачевский.** Рабочие-писатели.
5. **В. Львов-Рогачевский.** Крестьянские писатели.
6. **З. Нестрипке.** Профессиональное движение, т. II. Перев. с нем. М. Розенфельд и С. Тюрберт.
7. **И. Левинсон.** Современное рабочее право в Германии.
8. **Проф. И. Бороздин.** Гракх Бабеф.
9. **Л. Забелин.** Теория социального обеспечения.
10. **Хрестоматия** профессионального движения, 1911—1914 г.г., под редакц. **Ю. Милонова и Р. Якуба.**
11. **А. Килинский.** Действующее законодательство о труде. 2-е дополн. и пересмотр. издание.
12. **М. Заяц.** IV Всероссийская конференция.
13. **Ю. Милонов.** Путеводитель по резолюциям Всероссийских с'ездов и конференций профес. союзов.
14. **А. Ельницкий.** История рабочего движения в России.
15. **Б. П. Павлов** (Козьмин). Рабочее движение в России.
16. **П. Коваленко.** Политграмота профработника.
17. **Вейцблит.** На заре профессионального движения. История одного типичного об'единения.
18. **П. Герц и Р. Зейдель.** Рабочее время, заработная плата и производительность труда. Перев. с немецк. И. Левинсона.
19. **Ф. Сенюшкин.** Культурно-просветительная работа союзов.
20. **П. Луи.** История синдикального движения во Франции. Дополнено и доведено до 1922 г. С. Гальпериным.

Для профорганизаций, выписывающих непосредственно из РИО ВЦСПС, устанавливается скидка:

при выписке менее 10 экз.—20%
„ „ более 10 „ —30%

Расчеты производятся по курсу дня уплаты.

Заказы, запросы и денежные переводы следует направлять по адресу:

Москва, Солянка 12, Дворец Труда, комн. 2—4, РИО ВЦСПС. Телеф. 91-67.

75 к.

27

Отпечатано
в типографии
Р. И. О. ВЦСПС